

Валерий Сабитов

ОШИБКА ФАЭТОНА
книга вторая. ЗВЕЗДНАЯ КАРА

16+

Валерий Сабитов
Ошибка Фэтона. Книга
вторая. Звездная кара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36621475

SelfPub; 2018

Аннотация

Во второй книге романа «Ошибка Фэтона» описывается совместная битва землян и фэтов с пришельцами, прибывшими от Красной звезды из системы Сириуса. Главные герои известны читателю по книге первой. Нападение звероящеров черной планеты Йуругу приводит Землю к глобальной катастрофе.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая. Нео-Силлабус	5
Глава вторая. Рубеж безопасности	25
Глава третья. Комитет Пятнадцати	66
Глава четвёртая. Зрачок Зверя	90
Глава пятая. Лунный лотос	115
Глава шестая. Луч Сатурна	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Валерий Сабитов

Ошибка Фэтона. Книга вторая. Звездная кара

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Часть первая

Прыжок Большого Пса

Глава первая. Нео-Силлабус

Бесцветные дни, угрюмые ночи...

Окаменевшее в угрозе небо струит на планету страх. Пришедший из межзвёздных глубин ужас заполняет мир человека. Раскинув невидимые щупальца, он ползёт по опустевшим дорогам, цепкими сгустками застывает в углах квартир, особняков, офисов. Холодное мерцание звёзд, равнодушно жёлтый лик Луны, ослепляюще жаркое Солнце предвещают невиданные страдания и всеобщую гибель.

Вера и надежда покинули земную цивилизацию, сделавшись призраками прошедших времён. И закипела кровь людская. И бросились люди искать утешения в буйно расцветшем огне обманных страстей. Разум снял с себя венец правителя человека, любовь лишилась спасительной чистоты и предстала изнанкой.

Только океан сохраняет живую теплоту, поддерживая перед внешним, звёздным взором образ разумной планеты.

ЗЕМЛЯ.

МЭН-СИТИ.

БЫВШИЙ ОФИС «ОБЩЕСТВА АГАСФЕРА»

Стены, хранящие память о всемогущих жрецах Цитадели фаэте Арни и фаэтянке Айле, дышат всплесками новой энергии, надёжно отгороженной от агонизирующего мира прочным барьером конспирации. Последний хозяин офиса, облачённый в серую нейтральность, принимает гостей. Как только приглашённые устроились на скромных полумягких стульях, серый господин объявил:

– Рад вас приветствовать, братья! Приехали все, наш сбор абсолютно полноправен. Хорошее предзнаменование!

Он окинул «сбор» острым цепким прищуром, орлиный нос нацелился в даль поверх голов.

– Об одном сожалею, – сказал он с явной печалью, – Братство Агасфера оставило арену борьбы за новый порядок. Я не знаю, где теперь сам вождь, где его люди. Весьма, весьма... С его участием мы смогли бы добиться цели в кратчайший срок...

Комната, познавшая вкус крови многих жертв, зашуршала сдержанным шёпотом. Имя Агасфера!.. Прошла минута, пока из первого ряда прозвучал спокойный размеренный баритон:

– Дни наших испытаний сочтены... Пусть никто не спрашивает, сколько их будет, – в сердцах нет страха.

Орлиный нос осветился обаятельной улыбкой:

– Цитата? Но ведь мы все обладаем даром предвидения. Начиная с глубокоуважаемого мистера Смита...

Хозяин баритона поднялся со стула. Белый балахон замерцал в слабом сиянии свечей, создав эффект светящейся ауры. Закреплённые на стенах свечи дрогнули, бледные пламена их колыхнулись. Странно и непонятно... Произвольную игру света все единодушно-молча сочли ещё одним благим знаком. Председатель сбора склонил голову:

– О да, конечно... Простите, ведь вы и есть мистер Иосиф Смит. Скуден свет, но таковы условия. Боюсь повторить ошибку...

Он сделал вид, что осматривает комнату и заметил:

– Но где Славянский Ангел? Где наш добрый русский брат?

С последнего ряда поднялся высокий крепкий человек в расшитой узорами рубашке, тряхнул прямым каштановым волосом.

– Прекрасно! Ведь Сибирь пока не колонизирована фаэтами?

«Ангел» в косоворотке согласно кивнул.

– Не исключено, русский север станет нам опорой, потому как...

Не дослушав, Славянский Ангел твёрдо заявил:

– При любом исходе моя организация оставляет за собой право суверенного руководства всей территорией...

– О-о-да! Почему же нет? Суверенитет, суверен... Прекрасные слова... Прекрасные! Да будет так.

Серый ведущий вновь ослепительно улыбнулся и добавил:

– Брат Смит прав, – времени мало. Наш покровитель Аполлион сообщил: Чёрная планета в течение года станет членом Солнечной системы. Не исключено, фаэты ликвидируют угрозу. Не исключено... Но мы будем готовы.

Задал вопрос человек с цветным тюрбаном на голове:

– А разве мы не можем игнорировать факт присутствия фаэтов? Когда они вмешивались в дела человеческие?

– Так было, – Серый вернул себе печаль, – Но пришла иная эпоха, и она возвела фаэтов в роль спасителей Земли. Они в фаворе, и стоит сказать слово против них – всех нас сомнут, чихнуть не успеем. Так что их не обойти. Но вопрос возвращает нас к причине сбора: в лавировании между фаэтами и землянами требуется чрезвычайно гибкое руководство. Руководство общим делом...

Его тут же поддержал носитель тюрбана:

– Истинно! Твёрдое и компетентное верховенство! Предлагаю дуэт вождей, сочетающий земную волю и небесную мягкость... В лице организатора нашего исторического сбора, а также светлого пророка Иосифа Смита!

Подготовленный экспромт упал на взрыхлённую почву. Предложение прошло единогласно и, возможно, едино-

душно. Серый сопредседатель нового всемирного движения немедленно перешёл к определению стратегических задач сообщества, претендующего на свободную нишу Братства Агасфера.

– ...Наши лозунги должны стать знаменем массы. Банально, но всё новое под Луной, – хорошо забытое старое. История прекрасна... Римское священство умело лучше иных расставлять знаки препинания в нужных местах. Оно знало, – жертвенный агнец всегда бродит рядом.

Он осветился улыбкой наметившего добычу грифа, замёршего в эффектной паузе над стадом овец. Не назвавший себя собрат из полутёмной глубины комнаты спросил, не скрывая растерянности от предложения вождя:

– Не совсем понял... Мы возвращаемся к практике жертвоприношений?

– А что требуется, дабы в дни великой смуты сплотить род людской и возглавить его? – металлизированным баритоном спросил председатель, – Указать врага, виновника всех его бед! Итак, – Силлабус!

* * *

... «Силлабус, Силлабус, Силлабус», – шелест чёрных крыльев наполнил комнату. Стервятники сбивались на зов вожака, искали место в стае. Они пока не знали, какой будет добыча, но уже готовились к кровавому пиршеству.

Где-то далеко за стенами дома ухнул взрыв. Дрогнули подсвечники, полутьма заколебалась; и в её игре с полусветом никто не заметил взметнувшейся к потолку чёрной тени, – словно кто-то незвано-неслышно прошёл вдоль стен, облачённый в плащ с капюшоном.

Серый вождь-сопредседатель, успокаивающе подняв руку, спокойно сказал:

– Внесу полную ясность... Не столь отдалённый, напрасно забытый девятнадцатый век... Папа Пий IX утверждает отличнейший документ, озаглавленный именно так: «Силлабус»! Коим мировая наука и учёные мужи человечества предавались анафеме. Разве это не то, что нам нужно? За спиной каждого из нас – батальоны миссионеров и пропагандистов, преданных учеников и последователей. Объединив их, мы получим армию боевиков, способную на подвиг!

Он горящим орлиным взором окинул притихших во внимании соратников и продолжил:

– Мировые церкви саморазвенчались, потеряли всякий авторитет. Светские власти сметены первой волной растерянности и страха перед звёздным нашествием. Планетарное правительство когда ещё войдёт в силу?! Сплошь безвластие. Разгул стихии. Конечно, фаэты... – краткая пауза показала напряжённую работу мысли, – Но фаэты как были, так и останутся далеки от чисто земных, внутрочеловеческих проблем. А почему «Силлабус», почему учёные? А кому как не им по рангу положено предупредить о Вторже-

нии, подготовить отпор? Надо же, сотни лет изучали Вселенную, – и напрасно! А кто проглядел тех же фаэтов? Под самым боком? Шамбала, махатмы... Все мы слушали сказки вместо правды. И вот теперь, похоже, инопланетяне нам не по зубам. Разве что фаэты... Но они – не революционеры, будут воевать не за светлое будущее грядущего человечества. Себя будут спасать, свой рай в запредельной Цитадели...

* * *

Грохот близких оружейных выстрелов и ударная волна от разрыва авиабомбы прервали речь. Стены качнулись, обрушилась на пол картина с живописным изображением собрания иезуитов под предводительством высокого человека в чёрно-красном хитоне. Его орлиный нос и чувственно-влажный блеск губ пробуждали в искушённом зрителе мысль о целеустремлённости и мудрой опытности генерала-предводителя. А на сегодняшнем сборе присутствуют именно искушённые. Трое из них бросились поднимать рухнувшее полотно-символ. Заколебались пламена свечей, и в игре их снова никто не отметил чуждую тень: плащ и капюшон метнулись в обратном направлении, ко входной двери.

Канонада переместилась на южные окраины Мэн-сити, и заговорщики продолжили работу.

– ...Но разве нам не понадобятся учёные? Наука? Рано или поздно придётся ведь ликвидировать разруху. Первоначально в локальном масштабе. А после победы... После нашей победы, – и в глобальном.

Вопрос принадлежал кудрявому чернокожему колдуну в неопишимо пёстрой одежде, лишённой всякого намёка на какой-либо определённый стиль.

– Истинно, брат мой! Прекрасный вопрос! – с благодарным энтузиазмом отозвался новоизбранный вождь «Нео-Силлабуса», – Списки подготовлены. Нужных инженеров и учёных мы спрячем. Выведем их из-под удара праведного всенародного гнева. Подарим им жизнь и любимую работу! И будем иметь то, чего так недостаёт сегодня. Включая передовую промышленную и военную технологии. Вплоть до создания собственных звездолётов.

– Но к чему звездолёты? – недоумённо спросил чёрный колдун, – Вы сомневаетесь в могуществе фаэтов? И допускаете оккупацию Земли ящерами Сириуса?

В обсуждение вмешался желтокожий человек в не менее цветастом ярком одеянии, с длинной витой косичкой, ручьи-сто ниспадающей за спину:

– Это правильно. Любые варианты должны быть учтены. Хорошо бы приобрести один из Юнивервов. Побольше разме-

ром. Руководство «Нео-Силлабуса» должно быть в безопасности при любом раскладе. Так что предлагаю принять нашу программу в редакции уважаемого нами всеми Ранверсера. И на том закончим встречу – нас ждут дела и люди.

* * *

Участники исторического заседания покинули офис, немногим ранее брошенный людьми, скрывавшими лица под капюшонами.

* * *

Свежеизбранные руководители «Нео-Силлабуса» остались вдвоём в комнате, из которой не успели улетучиться живые молекулы жертвенной крови девушки по имени Нинель. Той самой Нинель, которую и всемогущий фаэт не смог вывести из-под ножей «**Братства Агасфера**».

После минутного молчания и обмена насторожёнными взглядами, серый Ранверсер произнёс с лёгкой усмешкой:

– В том же веке, в котором Пий IX писал для нас умную бумагу, американец Иосиф Смит искал в пустыне золото. И так приумножил найденный клад, что преуспел возродиться в решающий день...

«Заново рождённый» Иосиф Смит сжал побледневшие

губы. Крашено-обесцвеченные белые волосы засветились сполохом искр, линзы глаз переменили цвет с голубого на оранжевый. Ранверсер поспешил отступить.

– Шутка, коллега, просто шутка! Но я восхищён! Моя проверенная столетиями сила плюс ваша хитрость, – вместе мы многого добьёмся. Ведь нам вдвоём придётся крепко держать первые места. Иначе развернётся борьба за власть. Что недопустимо и губительно. На обломках источенных червём соперничества земных церквей нам предстоит возвести тысячелетнее здание истинной веры...

Иосиф Смит, следуя примеру коллеги, усмехнулся, но сказал очень серьёзно:

– Когда наступит тот великий день... Когда земля свернётся, как свиток, и все элементы расплавятся от сильного огня... Останется ли тогда место для тысячелетних зданий?

– Цитата, как я понимаю? К месту, ко времени! И я не убеждён, что у сегодняшнего человечества есть будущее. Но кто-то выживет. Выживет, чтобы дать начало новому миру! А что важно для нас? Для нас важно: кто встанет у истоков грядущей цивилизации!?

– Ими обязаны быть... обязаны стать наилучшие из лучших, – патетично воскликнул возрождённый «пророк» Солёного озера. Видимо, он примирился со второй ролью в дуэте первых.

– Именно! Именно обязаны! Что означает: в первую очередь мы, мы вдвоём обязаны позаботиться о самосохране-

нии. Ведь жизнь обрывается не только пулей или энергоимпульсами. Она зависит и от внутреннего состояния. Ведь наше здоровье определяется множеством факторов. Между прочим, и таким, как твёрдость либо пластичность предстательной железы.

Он улыбнулся, растянув влажные губы. Пламя свечей, висящих по обе стороны дверей, колыхнулось, то ли поддерживая, то ли не соглашаясь с сексуально практичной великой мыслью. И «пророк» смог оценить величие простоты. Оценил и развил далее:

– Если ваше последнее утверждение ввести в конкретные рамки... Да, можно сказать так: наступает новая эра семейно-исторической работы.

– Опять золотые слова! Несомненно, в рамках семьи и только семьи. Новой семьи, в новом понимании. Ведь все мы, только что принявшие к исполнению глобальный документ, единая семья. Поработали мы сегодня очень... А после серьёзной работы требуется полнокровный, всеохватывающий отдых. В семейном причём кругу. Вы согласны?

В ответ на разгорающееся в глазах Ранверсера пламя губы Смита повлажнели, мерцающий белый ореол у головы приугас. Последние нотки диссонанса терялись в нарастающем чувственном аккорде семейного дуэта.

– Утверждение не лишено оснований, – ответил Смит осторожным согласием.

Плавный жест рукой в сторону, доверительный полушё-

ПОТ:

– За той дверью нас ожидают сёстры. Расширим круг семейного родства. Обойдёмся без ложного лицемерия, брат... В любой семье есть свои тайны, укрепляющие внутренние, духовные связи. Вот и у нас будут свои... Иначе как мы сможем доверять друг другу?

Не ожидая заключительного акта, призванного закрепить семейную близость Ранверсера и Иосифа Смита, тень плаща с капюшоном качнулась и покинула пространство офиса, уже познавшего в своё время более трагичные проявления близости членов общеземной человеческой семьи.

* * *

ЗЕМЛЯ.

МОСКВА. ВОРОБЬЁВЫ ГОРЫ.

СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА ЛОМОНОСОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА.

Серый летний день походил на замершее навсегда непогожее осеннее утро. Бывшая столица бывшего сверхгосударства представала взору лишь десятком высотных шпилей. Закрыв Лужники, непроницаемая белёсая пелена протянулась за горизонт. Смотровая площадка плыла на восток над застывшим беломорьем; её железокаменное ограждение представало фальшбортом гигантского корабля. *Фальшбортом...* А застывшее здание университета изображало ко-

мандную рубку устремлённой в опустевшее завтра российской «Марии Целесты». А та, как известно, после исчезновения бороздила моря без руля и ветрил, без команды и капитана.

* * *

...Но нет, палуба неуправляемого корабля вовсе не пуста. Как-то вдруг, словно ссыпавшиеся от штормового порыва ядрышки каштана, её заполнили пассажиры, покинувшие ненадёжные скорлупки кают...

Народ тревожно шумел, нацеливая ожидающие глаза на растущее в центре смотровой площадки сооружение из неошкуренного третьесортного тёса. Слабый ветерок лениво шевелил трёхцветный кусочек материи на шпиле университета, последний символ былой управляемости российского макромира. Но знаки прошлого уже не привлекали, ибо именно из него тянулись корни сегодняшнего хаоса. Потому, как только на скрипящее дерево постамента взобрался человек в красно-чёрном хитоне и уверенно поднял руку с мегафоном, толпа затихла.

– Я – тот, кого вы ждали! Я – тот, кто протянул вам руку спасения!

Усиленный дефицитными батарейками голос волнами прокатился над головами, пробудив жажду совместного действия.

– Мы собрались здесь не случайно. Мы – у парадного подъезда центрального университета страны, ушедшей в небытие. Почему так случилось? Почему вы дошли до такой жизни? Почему из ваших рук утекают последние надежды? Потому что вы преданы! Вас предали те, кто из-за камней этих стен внедрял веру в государство и обученный разум!

Оратор повернулся вполоборота и резко выбросил свободную руку в сторону здания.

– Люди! Они и сейчас прячутся там. Прячутся те, кто обрушил на всех нас нашествие с неба. На пороге невиданная война! Война планет! Война звёздных систем! Земля втянута во вселенский Армагеддон! Вот-вот чудовища чужого солнца начнут пожирать наших детей, жён, матерей...

Разделённые звенящими паузами, хлёсткие фразы слой за слоем сдирали с людей кожу равнодушия и безысходности. Возвращалась полузабытая острота первоначальных человеческих чувств, поднималась температура охладевшей было крови. Жадные взоры тянулись за призывающей рукой.

– Вас предала наука! – оратор продолжал бить отрывистыми фразами по рассудку и чувствам, подчиняя толпу своей воле, – Наука и её клеветы! Это вы платили им повышенную зарплату. Это за ваш счёт присвоены им высокие звания и почётные степени. И что вы получили в ответ?

На шаткое дерево помоста несколько молодцев в чёрных рубашках с красными воротниками втащили хилого человека в чёрной мантии, с пучком жидкой седины на жёлтом

черепе. Схваченный вместе с другими на последнем заседании учёного совета, академик визжал от обиды и боли, вращая выпученными полубезумными глазами. Отвыкший от телевидения, радио и газет народ требовал полной ясности.

– Дайте ему сказать! Пусть признается...

– Под суд! Судить его здесь и сейчас...

– Смерть профессору...

– Под вышку его и всех остальных....

Ветерок стих, трёхцветный лоскуток повис бессильной анемичной тряпкой. Застывший тугой массой воздух прорезали автоматные очереди. Стреляли по окнам университета. Массовое вооружение народа, свершённое как стихийно, так и под водительством вожачков всякого ранга, обращалось в единый фронт. Человек в красно-чёрном хитоне ткнул мегафоном в лицо академику. Но тот лишь хрипел и стонал.

– Слышите? – мегафон поднялся к орлиному носу, – Он не знает, что сказать! Он плевать на всех хотел! Но нет, они нам за всё заплатят. Братья мои! Очистим университеты, академии, институты, лицеи от предателей и врагов нации. Хватит им жировать на народной крови...

Воздух звучал гулко и жёстко. Штормовые волны сгущённого сверхсправедливого гнева катились через призрачное ограждение бортов русской «Целесты» и тяжёлыми струями пробивали пелену, накрывшую Москву. «Нео-Силлабус» неотвратимо заполнял улицы и площади мегаполиса.

* * *

Так вбился в историю первый гвоздь дня «Ч», разом приведя в действие не один российский, но и китайский, европейский, арабский и другие потерявшие курс корабли рассыпавшейся цивилизации. Так начался поход всенародного мщения. На обесточенной планете мегафон сделался основным средством информации и управления. Взятые из разогнанных и распущенных подразделений охраны правопорядка, они послушно ревели в руках провозвестников завершающего века, облачённых в хитоны цветов вселенского заката.

* * *

...А Москва кричала сотнями голосов:

– Освободим свою землю от дармоедов и слуг дьявола! Химиков, физиков, астрономов, – всех на плаху! И минует нас тогда звёздная кара...

– Всех-х-х! – дружный яростный клич сжимал кулаки и челюсти, рвал жилы на раздувшихся местью мышцах.

* * *

И, возможно, только в одном каком-то месте воспрял к

небу неслышный в общем крике вопрос: «Так неужели не осталось на планете людей силы, способной переломить хребет рождённому в жадном неверии зверю? Зверю ненасытному и более ужасному, чем неведомая угроза со звёзд?»

А зверь, плотно спаянный из людей-клеток, оживлённый амёбным духом слепого мщения и ненависти, уже грозно выгибал напружиненную шею. Бехтеревский микроб, внедрённый в слабые души Агасфером, размножался в сверхскоростном режиме.

* * *

...Выстрелы и разрывы ручных гранат слышались уже внизу, в затопленном туманом Лужниках. Искали и уничтожали виновных во всенародной беде. А из дверей университета выволакивали одного за другим носителей прогресса и мэтров разума. Перспектив достичь лобного места, наспех сколоченного из сырья для выделки любимой ими бумаги, у них не было. Профессоров и академиков били ногами, топтали, расстреливали из пистолетов бывшие ученики и почитатели. Лишённые гражданства, потерявшие страх перед государством земляне закрывали за собой последние двери, сжигали за спиной мосты, пополняя войско «Нео-Силлабуса».

Но обращённый к небу неозвученный вопрос одиночки не остался без ответа. Ибо не растеряла ещё Земля дух трезвой

спасающей веры.

* * *

...В бледно-сером небе вспыхнула жемчужная точка, секундно увеличилась и предстала над местом кровавого побоища холодно сияющим диском Юнивера фаэтов. Толпа откачнулась от здания университета. Кроваво-чёрный хитон перелицевался в серую изнанку, и его носитель затерялся у подножия деревянного помоста.

– Люди Земли! Люди России! Люди Москвы! – Небо заговорило уверенно и властно, – Планетарное правительство объявило чрезвычайное положение на всех континентах. Демонстрации, митинги и прочие групповые выступления объявляются запрещёнными. Призывающие к беспорядкам, а также использующие огнестрельное оружие будут караться на месте. У нас хватит возможностей для наказания непокорных и защиты невинных.

Расправа над учёными Ломоносовского университета остановилась. Истекающие кровью тела бросили на мостовой и забыли о них.

– Люди Москвы! – гремел голос с Юнивера, – Прошу покинуть площадь. Возвратитесь к семьям и ждите распоряжений Комитета Пятнадцати. Коммуникационные сети восстанавливаются. Информация о происходящем на Земле и в околосолнечном пространстве будет поступать к вам свое-

временно...

Но люди Москвы не могли сбросить разом избыток температуры крови. И не торопились следовать призыву то ли землянина, то ли фээта, говорящего с борта загадочного диска-НЛО. Один из особо крепко разгорячённых, – видимо, накачанный наркотиком, – уже направлял ствол «Калашникова» в сторону диска. Юнивер отреагировал парализующим лучом, плавно развернулся и замер над центром смотровой площадки. Представители Планетарного правительства меняли тактику воздействия.

Звукопроектор диска начал имитацию пулемётной стрельбы над головами, параллельно воздух перед университетским корпусом замораживался до нуля по Цельсию. С шипением клубами завихрился иней, вызвав желание безопасного домашнего очага.

Через несколько минут митинг-расправа угас, площадь опустела. Из университетских дверей выбежали люди, потрясённые происшедшим, и занялись телами, распростёртыми на холодных камнях и асфальте. Юнивер сделал круговой облёт площадки, замер на секунду над местом выступления бежавшего резидента «Нео-Силлабуса» и исчез в голубеющем небе.

Но митинг достиг цели: людям указали виновных, внедрили в них бациллы вседозволенности и безнаказанности, вирусы полного доверия агитатору нового, всепланетного Ордена-спасителя. И самое важное – фээты для участников по-

боища учёных уже не воплощали образы единственных надежды и защиты. Чёрным хитонам уже не требовался «Микроб-Б».

Глава вторая. Рубеж безопасности

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ГРАНИЦА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ.

СФЕРА ООРТА. ПЛАНЕТОИД АЛЬФА.

Полярная звезда висит точно над головой и кажется много ближе, чем с Земли. А Солнце блистает яркой звездой, путая привычный рисунок созвездий. Краткая череда быстролетающих дней так раздвинула пространство человеческой жизни, что земляне как бы вошли в фантастическую сказку. Случайный толчок, – и с жутким скрипом отворились ворота, ведущие в мир золотых людей, разумных драконов и дельфинов; а родная планета стала лишь малой частью людского дома, который предстояло защитить от неведомых монстров, летящих от холодной чужой тройной звезды.

Эскадра боевых и исследовательских Юниверов десятикилометровым сплошным кольцом охватила северный полюс планетоида, расположившись на чёрном, испещрённом трещинами и мелкими кратерами плато. Корабли соединили энергопереходами. Участники экспедиции, за исключением дежурных смен, собрались на борту флагмана «Барт Эриксон». Километрового диаметра диск с полушаром в центре построили с учётом привычек и вкусов землян; изнутри он смотрелся курортно-развлекательным комплексом, изъятым из зоны субтропиков третьей планеты.

– Да-а, – в который раз сдержанно тянул восклицание крепкоплечий человек среднего роста, рассматривая небо через прозрачный купол флагмана звёздного флота Земли.

Наконец он не выдержал и высказался:

– Мог ли я думать всего год назад, что за какой-то месяц преодолею расстояние в сотню астрономических единиц? И окажусь в мире, где и Солнца-то нет...

– Денис Сидорович! – обратился к нему занимавший соседнее кресло человек с тонкими чертами лица и мягким интеллигентным голосом; но обращение своё он успел только начать.

– Алекс! Повторяю последний раз: я не Сидорыч, а Исидорович! Что есть большая разница. Такая, к примеру, как между...

Но и он не закончил готовой фразы.

– Внимание, друзья! – заговорил глава экспедиции, советник Комитета Пятнадцати, фаэт Эрланг, – Нет и минуты для отвлечённых тем. Итак, мы на внешней границе Системы. Для фаэтов Сфера Оорта никогда не имела практического значения. Она не изучена, здесь нет опорных баз. Тем не менее, Планетарное правительство по рекомендации Комитета Пятнадцати определило: именно тут пройдёт Рубеж Безопасности. Так, Денис Исидорович?

– Никак иначе, – согласился военный эксперт звёздного флота Денис Салтыков; весёлые лучики морщин разбежались от глаз по круглому полному лицу, оставив нетронутой

крупную картофелину носа, – Что известно мне и, следовательно, многим другим? Об истории Облака, точнее, – Сферы, – мы ничего не знаем. Но что важно? Отсюда всегда исходила угроза Земле. Кометы, крупные астероиды... Ящеры-то ящерами... Я хотел бы точно знать: до какого расстояния мы можем подпустить Чёрную планету, не рискуя нарушить гравитационного равновесия в Солнечной системе? Тут ли истинный Рубеж Безопасности?

– Резонно, – признал Эрланг, лицом не проявив никаких эмоций, – Вопрос вопросов, на него мы ответим через несколько дней. Потребуется точнее определить массу Облака-Сферы, его состав. Одновременно наметим места для передовых фортов сдерживания.

– Леран! – обратился к нему чернокожий гигант в просторной клетчатой ковбойке, – А вы уверены, что траектория Чёрной планеты пройдёт через расчётную точку?

– Мы? То есть фаэты? – уточнил начальник экспедиции. – Были бы в этом уверены те, кто направляет путь Йуругу. А фаэтам для полной уверенности придётся высадиться на Чёрную, выйти на прямой контакт.

Зашелестела листва, из-за берёзы справа от Эрланга выкатилось кресло. Из него поднялся маленький толстенный землянин.

– Простите, господа. Я Виндзор, физик. Перед нами уравнение с неким количеством неизвестных. Я обычный человек, то есть, простите, обыкновенный землянин. В этой игре

все козырные карты и тузы в руках фаэтов...

Эрланг будто и не слышал последнего нобелевского лауреата Земли. И заговорил, смотря прямо в глаза Денису Исидоровичу.

– Придётся соорудить кольцо вокруг предполагаемой точки вхождения врага во внутреннее пространство Системы. Кольцо достаточного объёма. Но не большего, чем позволит наш психотехнологический потенциал.

– Боевые возможности, – уточнил Салтыков, сделав вид, будто тоже не заметил выступления Виндзора, – Или потенциал активного противодействия. Иначе будем выглядеть как сторожевой пёс, посаженный на цепь и неспособный порвать зубами штаны нарушившего хозяйский периметр соседского пацана. И ещё я не понимаю: зачем всех собрали на «Эриксоне»? Пусть с меньшим комфортом, но могли бы побеседовать не покидая своих кораблей.

Эрланг всё-таки остановил взгляд на Виндзоре, продолжавшем стоять перед креслом. И сказал, словно обращаясь к нему одному:

– Вы любите слово «простите»... Хорошее слово. Так вот: простите, но только «Эриксон» имеет абсолютную защиту. На Земле создана организация, противодействующая всем усилиям Планетарного правительства. Она имеет агента, – возможно, он же её руководитель, – способного проникать в наши планы. Мы не знаем его имени. Но прозвище известно, – Аполлион. И я вынужден выполнять все требо-

вания начальника правительственной охраны Эрнеста Мартина. В конце нашей встречи каждый получит пакет с точно фиксированными задачами. Общение Юниверов – только при крайней нужде. Рабочая связь – через компьютер «Барта Эриксона». Только «Барт» защищён от проникновения извне.

Виндзор растерянно развёл руками и опустился в кресло. Денис Салтыков довольно усмехнулся и потёр ладонями. Видимо, обстановка сильно напомнила ему командно-штабные игры незабвенного военного прошлого или даже детские пиратские набеги на чужие и свои сады.

Эрланг завершил встречу спокойно, с улыбкой Лерана Кронина:

– Сейчас Антэ вручит вам пакеты. И попрощаемся до следующего сбора. О его времени сообщу. Предупреждаю ещё раз: для текущего системного анализа обеспечить непрерывный поток информации в мозг «Барта». На всех диапазонах зондирования Сферы!

Негромко переговариваясь, люди направились к выходам из центрального купола «Эриксона». Возможность присутствия шпиона в Правительстве и даже в эскадре заинтриговала всех. Невозмутимые фаэты обеспокоенно переглянулись. Антэ, бывший ещё на Фаэтоне первым помощником Эрланга, раздавал пластиковые конверты с личной печатью начальника экспедиции.

Зелёная зона «Эриксона» опустела. Антэ приблизился к Эрлангу и спросил:

– Сегодня ты решил отдать Рубеж Безопасности под начало землянина Салтыкова. Нет ли ошибки в выборе? Думаю, он слишком приземлён.

– Ты не успел изучить землян, брат Антэ. За видимой простотой Салтыкова скрывается могучий и гибкий разум. Некогда самый молодой командир дивизии в армии России... Он стал комдивом в двадцать восемь лет, – для землян это и треть жизни, и юность. Его сняли с должности за внешнее, а не за внутреннее, за грубость командующему военным округом. Ты понимаешь, о чём я?

Антэ только шевельнул плечом. Эрланг пояснил:

– Денис ответил соответственно очень большому начальнику на оскорбительный мат во время строевого смотра. Такое у них в обыкновении. Было... К счастью или сожалению, твой земной опыт измеряется месяцами. И ты не застал деления человечества на множество государств.

– Так, Россия... Самый тревожный регион. Ведь там очаг наибольшей смуты! Плюс русско-азиатская война... Я слышал, её притушили?

– Да, – коротко ответил Эрланг, – Но поставим точку. Салтыкова выбрал Комитет Пятнадцати. Не было случая, что-

бы они ошиблись. Сам Демьян Прохоров предложил Дениса Исидоровича из более чем ста кандидатов.

– Точка стоит, учитель, – склонил голову Антэ.

Лицо Эрланга окаменело, в золотых глазах мелькнули искры возмущения.

– Антэ, не называй меня так. Никогда. Время Фаэтона истекло невозвратно. Вместе с былыми ошибками. Мы различаемся опытом, знаниями, но, по сути, – равны.

Антэ вздохнул с облегчением и улыбнулся почти так же открыто, как иногда получалось у Лерана Кронина. И, продолжая улыбаться, перешёл на внутренний диалог:

«Так обратимся к вопросу, ради которого мы здесь».

Тайная, глубоко скрытая мысль-догадка, что шпион под именем Аполлион может скрываться и под личиной фаэта, действовала, не будучи объявленной открыто. Внутри флагмана-Юнивера их никто не мог ни подслушать, ни перехватить излучения мозга.

– Барт, будь любезен, покажи картинку, – сказал Леран вполголоса, устремив взгляд на портрет Эриксона, укреплённый на квадратной колонне, обозначающей границу между рубкой управления и зелёной зоной корабля.

– Хорошо, брат, – ответил Юнивер голосом Эриксона.

Внутренний свет притух, на куполе загорелись звёзды, две из которых соединила красная линия. Карта космоса, аналогичная той, что показали Лерану Кронину в Цитадели во время Посвящения...

– Смотри, Антэ. Сплошная красная линия исходит от Сириуса. Точнее, от По-толо, ставшей красным карликом.

– А пунктир указывает на Солнце?

– Пунктирный отрезок занимает не более одной десятой всей линии. Времени для размышлений почти нет. Йуругу, названная землянами Чёрной планетой, на пороге Системы. Вероятная точка вхождения – район планетоида Альфа.

– Они в анабиозе? – спросил Антэ, напряжено глядя на начальную точку траектории движения планеты-угрозы.

«Барт», повинувшись мысленному желанию, укрупнил изображение Сириуса, и точка распалась на три. Три искорки, уничтожившие жизнь кругом себя в слепом запутанном взаимодействии вокруг непрерывно меняющего координаты общего центра масс.

– Нам хватит сил для разрушения планеты до подхода к Рубежу Безопасности? – задал новый вопрос Антэ, оторвав взор от родных звёзд.

– Это легко. Справимся силами нашей эскадры. Да, они спят в норах. Но центральный мозг, где-то в глубинных пещерах, бодрствует. Уничтожить планету всегда легче, чем её разумных обитателей. Но тут вопрос... Ты понимаешь?

– Уже понимаю, – ответил Антэ голосом, – Йуругу – мир родных звёзд... Земля и Солнце – обитель жизни. Они дали нам второй шанс...

– Последний шанс, – уточнил Эрланг, – У некоторых из нас возникнет дилемма. Уничтожить мир, рождённый наши-

ми звёздами... Цена выбора может превысить критическую отметку. Мы ликвидируем угрозу на подходе, – но дилемма останется. И расколется наше сообщество. Надолго, если не навсегда.

– Совсем ясно, – Антэ снова обратил взгляд на три светящиеся точки. – Значит, выберем затяжной и трудный путь, войну? С риском гибели и потерь среди своих?

– Да, видимо. Но с потерями в первую очередь среди своих. Человечество мы обязаны спасти.

Антэ принял мыслеимпульс Эрланга, в котором тот сконцентрировал своё понимание земной цивилизации, включая не выясненную проблему родства землян и фаэтов, и перспективы человечества в истории Галактики... Всё то, о чём вождь Фаэтона размышлял всё чаще с момента, когда осознал свою двойственность, разделённость на Лерана Крониана и Эрланга. Не пытаясь разобраться сразу во всём, Антэ ответил просто:

– Я всегда верил тебе, брат. Даже если не понимал. Так было в той жизни, будет и в этой...

* * *

СФЕРА ООРТА.

ГРУППА АСТЕРОИДОВ «БАСТИОН».

Мечи прожекторов рассекли вечную тьму, создав ощущение дикого контраста. Чернота стала ещё черней, световые

пятна горели десятком ослепляющих костров. Салтыков зажмурился, поёрзал в кресле, но заставил себя открыть глаза.

Юнивер-3 завис над компактной группой тел различных размеров и конфигурации. Денис мысленно пересчитал: ровно десять.

– Нормальная дюжина и та не выходит, – прошептал он и скосил глаза на сидящего слева фаэта.

Как и следовало фаэту, тот выглядит абсолютно спокойным и неподвижным. Будто находится не в дальнем космосе, а на вечеринке в своей Шамбале. Землянин поморщился: ведь здесь, в преддверии ада, им предстоит соорудить форт противодействия. Силовые установки, излучатели, базу для людей... Подготовка к войне начиналась совсем не так, как предполагал Денис Исидорович. Если бы ещё не соседство золотоволосого супермена... Денис потёр кулаком картофелину носа и решительно сказал:

– ...Так... Уважаемый брат Ачено! Мы накануне войны миров. Я – человек служивый, и мне несподручно учитывать нюансы галактической морали. Соотношение сил и средств, способы обороны и нападения, – вот моя епархия.

Не поворачивая головы, он скосил глаза на Ачено. Фаэт будто не слышал его.

– И, как я понимаю, выбор средств воздействия на Чёрную невелик. И все они имеют ограничения. Вакуум-бактерии – это мощно и загадочно! Но если они перекинутся в пределы Системы, никто их не остановит. Скоростная энтропия ве-

щества, – хаос. До гибели самого Солнца. Так?

– Гарантий нет, – с равнодушным видом согласился Ачено, тронув рукой золотой локон у виска.

– Второе, – продолжил Салтыков, стараясь не смотреть на игру света и тьмы в абсолютном нуле, – Мираж субпланетарных размеров. С расчётом на определённую реакцию ящеров. Опять натяжка. Их восприятие и мышление за миллионы лет могли так перемениться...

На сей раз Ачено промолчал, но в знак согласия наклонил голову. Его золотые глаза нацелились на панораму астероидов, воспроизводимую обзорным экраном. Похоже, эта картинка нравилась ему больше, чем действительный пейзаж в открытом космосе. Тут они с Салтыковым сходились.

– Третье, – продолжил размышлять вслух Денис Исидорович, – Пространственный лабиринт, для создания которого потребуются несколько фортов. Малейший сбой в одном из множества узлов – и Чёрная сойдёт с катушек, станет снарядом, нацеленным на одну из наших больших планет. Ящеров уничтожим, но вызовем такой катаклизм, который превратит Систему в рой безжизненных осколков. И Цитадель не выдержит. Тоже ведь не годится? Остаётся ещё вариант...

– Остаётся! – Ачено не выдержал критики возможностей фаэтов землянином, – Изменить напряжение силовых линий пространства. Линий, по которым идёт гостя. И остановить её перед Сферой Оорта. Затем, опираясь на мощь передовых фортов, мы приступаем к нейтрализации боевого потенциа-

ла Йуругу.

Салтыков хмыкнул. Он добился чего хотел, – заставил фаэта вступить в разговор. Да ещё на такую тему! Но проблема беспокоила, и он решил добиться полной ясности.

– А вам известен этот боевой потенциал? А что, если вашим разведчикам-психокопиям показывали миражи прошлой реальности? И все мы в плену глубочайших заблуждений? В такой войне, когда всё может решить первое соприкосновение, нельзя ограничиваться одним стратегическим вариантом.

Фаэт позволил себе снисходительную улыбку.

– Вы сомневаетесь... Понятно, – не может землянин представить, на что способны Андумбулу. А Йуругу повторяет маршрут, открытый нами десятки миллионов лет назад.

– Именно «назад»! «Назад», – выделил слово Салтыков, – Миллионы лет вы наслаждались жизнью на Земле, ожидая очередных золотых дождей. А мощь фаэтов мы, люди, – то есть земляне, – представляем... Но ящеров Сириуса демография не заботила. Миллионы лет развития в неизвестном никому направлении! Вы можете сказать, каких высот достигли бы люди Земли за такой срок?

Ачено оторвался от лицезрения экрана и посмотрел на Салтыкова с явным интересом.

– Не пойму, Денис, что вы предлагаете? Земляне так любят предисловия...

– Любят... Нет, мы тоже предпочитаем конкретику. А хо-

рошее предисловие, – оно готовит собеседника, оформляет мысль. И обстановка уж очень экзотическая. Я что? Я – человек военный в четвёртом поколении. И хочу знать, с кем воевать придётся. Как с той, так и с этой стороны...

Салтыков раскрепостился, почувствовал, что заинтересовал фаэта-сверхчеловека. Но завершить разговор не удалось. На связь с Юниверсом-3 вышел «Барт Эриксон». Голос его звучал удивительно тепло, по-человечески. Денис знал, что в компьютере флагмана объединённого флота Земли Эрланг воплотил личность своего погибшего друга. Друга-землянина. Эрланг, он же Леран Кронин... И фаэт, и землянин в одном лице... Салтыкова начальник экспедиции поражал всем. А особенно – способностью эмоционально выражать своё внутреннее состояние. Эрланг единственный из фаэтов обращался к землянам словом «брат». Так же, как к собратьям. «Барт Эриксон», используя закрытый, защищённый даже от фаэтов канал связи, говорил от имени Эрланга.

– Братья Ачено и Денис! Вы проглядели или проговорили удачу. Ведь сенсация – всегда удача?

Эриксон, воссозданный звездолётом, сохранил журналистские пристрастия прототипа-человека. Денис решил, что это уж слишком. Тем не менее, «предисловие» его взволновало. Что можно проглядеть на задворках Солнечной системы, на голых камнях, висящих среди абсолютно пустоты?

– Изучите центральный астероид группы «Бастион». Меня не отключать, буду работать с вами...

Пятидесятиметровый диск Юнивера-3 завис над пятикилометровой в поперечнике массой мёртвого вещества. Корабль ввёл в действие полный диапазон зондажа. Салтыков присвистнул и сказал вполголоса:

– Та-ак... Тут такое! Придётся надевать скафандры.

«Эриксон» отреагировал голосом Эрланга:

– Принимается. Но Ачено останется на борту. Будь внимательней, Денис.

...Наведённая гравитация Юниверов чуть превышала норму в один «ж», и Салтыков испытал внезапное наслаждение от невесомости. В ярком свете прожекторов поверхность центрального астероида распалась на множество белых и чёрных кусочков. В глазах зарябило, Денис потянулся рукой стереть слезу и наткнулся на пластик шлема. Ачено понял и уменьшил энергию излучения в оптике. Салтыков отрегулировал видеоглазок шлема; теперь начальник экспедиции будет видеть то же, что и он.

От предварительной рекогносцировки всего астероида он отказался: не было терпения. Привлёкший внимание ещё на Юнивере объект под ногами: высвеченный земными фотонами участок ровной поверхности, окружённый гладкими отвесными скалами...

«Кто же меня нацелил? – спросил себя Салтыков, – «Барт

Эриксон» или сам Эрланг? Нет, наверняка Эрланг, машина не способна на такую чувствительность. Нужна интуиция. Или у «Барта» она имеется? Чем же тогда звездолёт отличается от человека?»

Денис Исидорович удивился себе: он никогда не отличался рассеянностью в обстановке, требующей сосредоточения. Что или кто на него действует? Холодный космос? Или всё же космос живой? С трудом отделившись от навязчивых мыслей, сконцентрировал внимание на том, что открылось внизу, под ногами.

Объект выглядит совершенно неестественно. В стольких астрономических единицах от Солнца и Земли – абсолютно невероятно! Зеркальная поверхность отражает всё: и падающий сверху свет, и фигуру человека. Денис легко различает черты своего лица, будто находится перед зеркалом в ванной собственного дома. Но если бы только лицо! По сторонам от его отражения чётко выделяются перевёрнутые четырёхгранные пирамидки...

Салтыков поднял голову. Высота около пяти метров, заострённые вершины пирамидок целят в круглые мерцающие точки звёзд. Лоб Дениса покрылся испариной...

Ачено регулировал освещение. Эфир молчит. Площадка, на которой стоит Денис Исидорович, ограничена контуром сложной конфигурации. Не круг, не эллипс, не система лекал... Нечто более хитроумное, но не менее осмысленное. Именно осмысленное, ибо природа сама по себе не стремится

ся к усложнённости, к математически запутанной геометрии структуры.

Шпили-пирамидки венчают некие узловые точки идеально гладкого, плавно изогнутого участка евклидова пространства. Салтыков уверен: пирамидки расставили по некоему скрытому закону, по правилам, по потребности... Расставили!!!

Трогать руками нельзя! Ходить? Ходить, как и смотреть, – можно... Так говорит ему нечто, совсем недавно внушавшее мысль о живом космосе. Возможно, не о космосе, а о чём-то содержащемся в космической пустоте. О непонятном, не охватываемом скудной сетью человеческих понятий.

«Та-а-к! Вот так! Мы только собрались сделать из астероида вооружённую крепость, а некто уже позаботился о том!» Подумал и понял: мысль его перехвачена. Скорее всего, – Эрлангом или Ачено. Они умеют это, умеют незаметно. Просто чувства обострились, и он заметил...

Что ж, крепость имеется. Нужны инструкции по её использованию в предстоящих целях. Салтыков потрянул головой внутри шлема, холодные капли пота защекотали шею. Несколько осторожных шагов, – и вот он, минуя зеркало между двумя ближними пирамидками, оказывается за пределами объекта. Юнивер переместился следом, – Ачено держит «нить», не отпускает Салтыкова, – как опытный водитель, идущий на буксире, держит трос «в натяг».

За пределами зеркала Дениса ждало хаотичное нагроможд-

дение скал и каменных обломков. Сразу потянуло обратно и он обернулся. И обомлел: зеркала как не бывало! На месте идеально отполированной поверхности разверзся бесконечный провал, явно проходящий через всё тело астероида. «А куда ещё, не в чёрную же дыру!» Ачено сфокусировал один из прожекторов, луч ударил отвесно вниз. От Юнивера отошёл модуль, чтобы «поймать» ту сторону провала-шахты.

Здравый смысл как землянина, так и фаэта потерпели поражение. У провала не было дна. Свет не отражался от исчезнувшего зеркала, – это понятно. Но он и не возвращался из чёрного ящика внутри астероида. Ни свет, ни зондирующее излучение других частот! Ачено попытался «поймать» импульсы модуля, но и этого не удалось. Загадка астероида открывала новые неясности, и не делалась меньшей с каждым последующим шагом.

Ачено отключил все излучатели, отвёл Юнивер в сторону. Теперь тот лишь угадывался за очертаниями скал, помаргивая цветными огнями. Денис нарушил внутренний запрет, присел на обломок скалы, прислонившись плечом к пирамидке. И смотрел на место, по которому можно пройти, но которое нельзя ни руками потрогать, ни радаром заметить.

Из ступора его вывели засветившие в глубине неосвещённого колодца белёсые нити. Словно кто-то там собрал волны, излучённые прожекторами Юнивера, и начал плести из них световую ткань. Запертые в ловушке лучи сочетались в причудливых узорах, насыщаясь энергией, сдвигая цвет в крас-

ную сторону видимого спектра. В голове Салтыкова стучали одни и те же вопросы: «Кто это делает? Зачем? Для кого? Для него? Для Эрланга? Для «Барта Эриксона»? Или для ящеров Йуругу?»

Лёгкий скафандр плохо защищал от абсолютного нуля. Денис Исидорович ощутил лёгкий озноб, вслед за ним острую жажду. Возможно, причина тому и другому нервное возбуждение. Холод и жажда возвратили понимание необычности ситуации, захотелось поговорить с кем-нибудь. А эфир по-прежнему молчал, ни Ачено, ни Эрланг, ни даже «Барт Эриксон» не беспокоили. Светящийся циферблат наручных часов показывал: с момента высадки прошло десять часов пять минут. Из этих часов добрые две трети он просидел на камне! Выходит, фаэты тоже не понимают, с чем они столкнулись! И не знают, что предпринять.

С трудом разлепив спёкшиеся губы, Денис Исидорович прошептал:

– ...Заберите меня отсюда...

* * *

Второй раз за последние сутки по земному счёту «Барт Эриксон» принимает гостей. Но эти гости, кажется, из другого списка приглашённых. Земляне ведут себя раскованно, оживлённо, глаза их горят, они обмениваются жестами и восклицаниями. Фаэты, как древнегреческие герои рядом с пас-

тухами Колхиды, сидят с опущенными глазами. Впервые они не смогли показать или доказать превосходство.

Эрланг в молчании фиксировал общее настроение и отзвуки мыслей.

...Люди Земли забыли об угрозе Сириуса, о фаэтах, о хаосе на родной планете. Они нашли захватывающе интересное дело на десятки, а то и сотни лет. Жизнь землян обрела новые цели и смысл.

Фаэты болезненно нехотя осознавали собственную ущербность. Проглядеть почти под боком, в относительно лёгкой доступности такое... Ведь тайна жила рядом столько миллионов лет! Не хватило обычного, простейшего человеческого любопытства. Вот она, замкнутость на самих себя, о которой намекнул фаэту Ачено несколько часов назад неуклюжий землянин Салтыков...

Встретив озабоченный взгляд Дениса Исидоровича, Эрланг вначале нахмурился, затем по-кронински подмигнул ему и улыбнулся. Шум в зелёной зоне стих.

– Друзья мои! Да, неожиданность крупная. И, видимо, не последняя. «Барт» сделал первые выводы. Ведь кроме нашей экспедиции, Сферу исследовали зонды-автоматы, направленные сюда чуть ранее. Они занимались другими, не приоритетными секторами. Опустив мелочи, доложу вам самое важное. Разговор будет вестись исключительно на голосовом уровне. Мы тут равные среди равных.

Вот оно, первое официальное признание равенства! Зевс

снял с себя облачение божественной недоступности, и олимпийцы промолчали. Не понадобилось прометеевой жертвы, и не сверкнули молнии с приблизившихся небес.

– Отдельные астероиды, разбросанные по Сфере вокруг Солнечной системы, составляли некогда единое целое. Получается громадный шар, «Барт» уточняет размеры. Шар, – не монолит, не планета. Внутри него находилась полость, диаметром превосходящая диаметр Урана.

Не только люди, но и деревья вздохнули. Шёпот людей и шелест листьев слились в едином удивлении.

– Странные образования, похожие на то, что первым обнаружил и осмотрел Денис Салтыков, найдены на многих крупных астероидах. Точнее, обломках... Они распределялись по поверхности шарообразного тела по неизвестному нам пока закону. Зеркала, пирамидки...

Эрланг опустил веки, принимая новую информацию от «Барта». Хорошо знавшие Лерана Кронина теперь едва ли бы узнали его: лицо постарело, изменились и укрупнились отдельные черты.

– ...Крупные планетоиды не вписываются в реконструкцию. Видимо, они изначально самостоятельны. Возможно, спутники... Примерная общая масса больших и малых астероидов сравнима с массой Юпитера.

Выведенный из равновесия Виндзор, не покидая укрытия за берёзкой, выразил мысли вслух:

– Вот каково происхождение Хирона и, вероятно, Плутон-

на. И других объектов, не относящихся к Системе или Фэзтону.

Эрланг поднял руку и сделал короткую паузу, призывая к молчанию.

– Первые выводы... Когда-то, – неизвестно когда, – на радиусе более ста астрономических единиц от Солнца находился стационарный искусственный или полуискусственный громадный объект – носитель разума. Уровень его развития, – непосредственного присутствия пока не обнаружено, – позволяет сказать: это была суперцивилизация. Превосходящая многократно все известные нам... В том числе Шамбалу. И, – такой мир не мог развалиться сам по себе.

– Военное столкновение! – громко заметил Салтыков, – Они встретили ещё более великую силу. Непредставимая мощь!

– Резонно, – согласился Эрланг, – В сравнении с ними мы детский сад рядом с Академией наук. И, – это поразительно! – остатки бывшего работают, действуют. Мы с Денисом Исидоровичем и Ачено убедились в том.

– Но откуда взялся этот шар? Это Пред-Облако? Что предполагает «Барт»? – спросил кто-то из глубины зелёной зоны.

– Вариантов десятки. Ни один пока не достоин предпочтения. Вселенная.., – глубокомысленно по-земному заметил Эрланг.

Один из фээтов, не поднимаясь из кресла, сказал:

– Наши драконы открыли в океане «Окна» в иной мир.

Или в иные измерения нашего мира. Следовательно, «Проходы» существуют... Куда они ведут, что за ними? Мы ведь и этим не занимались...

Замечание «олимпийца» вызвало общую полемику, в которой Эрланг, а следом за ним Салтыков старались выявить самое любопытное и оригинальное.

– ... К чему усложнять, пока работают известные аналогии? Я лично предпочитаю видеть в Прото-Сфере звездолёт. Нет, даже галактолёт, способный вместить расу-путешественницу. Не от звезды к звезде, а от галактики к галактике...

– И на самом деле, – не скрыл кто-то иронии, – Это ведь так обычно и естественно: порхать во Вселенной. Норма жизни, если позволите...

Эрланг заинтересовался. Параллельно обмен мнениями регистрировал «Барт», он же помогал начальнику экспедиции к Сфере Оорта выделять самые глубокие и яркие догадки.

– А у нас есть критерий, позволяющий отличить галактолёт от звездолёта, принадлежащего Млечному Пути?

Знакомое всем по первому сбору кресло выехало из-за берёзы и развернулось рядом со стоящим неподвижно Эрлангом. На коленях у Виндзора уютно разместился персональный биокомпьютер, последняя разработка Цитадели для землян, заменяющая аналитические возможности любого учёного совета. Не вставая, физик заговорил по-деловому

и спокойно:

– Мы изучали объект, подобный найденному Денисом Салтыковым и Ачено. Но в центре нашего зеркала лежал каменный шар. Так я думал вначале. Получив команду на возвращение, я направился к Юниверу. Напоследок оглянулся. Каменный шар был уже не каменным. И не шаром. Но посмотрите сами. Я сделал запись.

Виндзор протянул Эрлангу кристаллик информации. Меньше чем через минуту «Барт Эриксон» предложил вниманию своих гостей медленно вращающуюся трёхмерную голограмму. Тишина воцарилась абсолютная и продолжалась долгие десять минут, пока «Барт» не показал всё, что можно было показать.

– Похоже на пчелиные соты! – воскликнул кто-то из землян, – Восковые перегородки состоят как бы из сгустков мельчайших искр...

Нобелевский лауреат победно усмехнулся. Видно, это он был автором идеи галактолёт а. В голосе его звенело торжество.

– Уверен, братья-фаэты меня поняли. Я полжизни отдал космической тематике. И потому сразу узнал эти соты. Для непосвящённых: мы видим то, что космологи называют крупномасштабной структурой Вселенной. Нашей Вселенной, об иных и думать нечего. Если найти здесь искорку родной Галактики, то «Барт» выяснит, откуда пришёл галактолёт. Хотя бы вектор! Ведь так? – с мольбой обратился он к

Эрлангу.

– Не исключено. Но и не обязательно так, – ответил начальник экспедиции.

Эрланг вспомнил свои кронинские, земные юношеские опыты по воспроизведению истории пояса астероидов. Сколько же в нём было наивности! Какой молодец этот физик! опередил всех и, надо признать, убедил. Люди Земли всё больше восхищали бывшего вождя Фаэтона. А Комитет Пятнадцати! Ведь инициатива экспедиции исходит от него. Отбор кандидатов в экипажи Юниверов – тоже они. Несомненно, открытия на Сфере наполовину принадлежат Комитету Пятнадцати.

Сопровождаемый аплодисментами, Виндзор вернулся под крону берёзы. Полемика разгорелась, втянув в разговор всех землян.

– Надо же! Облако Оорта. – остатки галактолёта! И плюс – следы звёздной войны...

– Посмотреть бы на тех и других...

– Лучше не надо! Хватит с нас чудовищ Сириуса. Они мне каждую ночь снятся. Кошмар!

– Добраться бы до вооружения галактолётчиков! Хоть до их остатков...

– Мы едва успеваем развернуть форпосты. На исследование открытых объектов уйдут многие годы...

– Как жаль, что фаэты не удосужились раньше...

– Их было мало. Массовое возрождение-то началось ме-

сяцы назад.

– Но людей, землян то есть, – их-то было достаточно! Вместе смогли бы!

– Ничего, после войны сравняемся в счёте...

* * *

Следуя вековым привычкам, земляне в споре искали ответ на вечный вопрос: как выжить? Фаэты молчали и слушали, борясь с чувством вины за то, что этот древнейший вопрос поднялся вдруг на высоту Эвереста. То есть на высшую точку земных ландшафтов. А Чёрная планета Йуругу, последняя планета отвергнувшей жизнь и гибнущей тройной звезды, продолжала скольжение по кратчайшим линиям-рельсам пространства, соединяющим умирающий Сириус с цветущим Солнцем. А бесконечные ходы-галереи, прорытые в коре Йуругу, укрывали легионы чудовищ, пожелавших колонизировать населённые миры Солнечной системы. И никто из людей либо фаэтов не мог и предположить, какая сила и какой изошрённый разум породил эту цель, и каково её истинное наполнение.

* * *

«Барт Эриксон» предложил Эрлангу оставить зелёную зо-

ну корабля и уединиться с Денисом Салтыковым в командной рубке. Основание: сохраняя за собой ведущую роль в альянсе против Йуругу, фаэты не готовы к исполнению этой роли. «Сделай так, чтобы Салтыков выложил перед тобой всё, что он думает о предстоящей войне, о людях, о фаэтах...», – потребовал «Барт».

Леран Кронин смог сделать так, чтобы Денис Салтыков «выложил» всё, что думает... В итоге Эрланг услышал то, о чём имел смутное представление.

Тезисы салтыковского откровения отложились в памяти железобетонными шпалами, на которые предстояло уложить рельсы спасения земных цивилизаций.

* * *

Политики, определяющей цели и методы ведения войны, нет, она в прошлом.

Война с Йуругу – чистая борьба за выживание. Определять и решать задачи борьбы будут те, кто в ней участвует, ею руководят, её планируют.

Победа в войне начинается от склада ума, а не от складов оружия.

Военный талант, – не поэтический или театральный дар. Он – особое состояние крови, особое сочетание генов, приобретаемое при рождении.

Чтобы бегать, надо бегать. А чтобы хорошо сражаться, на-

до участвовать в боях насмерть.

Вы бежали к Солнцу от Сириуса, так как не сумели победить. А не сумели потому, что не умели и не учились воевать.

Уничтожение динозавров – всё равно что детская игра с костяшками домино. Уронил одну косточку – все остальные попадали. Доисторическая Земля – не Йуругу.

Рубеж Безопасности не соответствует названию. Он будет соответствовать, если не допустить Чёрную к Рубежу. Никак нельзя пропускать ящеров внутрь Системы...

* * *

Эрланг предложил Салтыкову сформулировать практические соображения перед всеми участниками экспедиции. К тому моменту Денис Исидорович выяснил, что разработанный фаэтами план отражения агрессии сводится к двум пунктам. Вначале изменяются параметры силовых линий, посредством чего Чёрная планета выходит в режим принудительного торможения. После остановки Йуругу перед Сферой Оорта наносится атакующий удар силами пока не существующих фортов и эскадры.

Не подвергая критике суть плана, Салтыков дополнил его, не будучи убеждён, что его предложения примут. Окончательное решение всё-таки оставалось за фаэтами. И, скорее всего, будет оставаться таковым в видимой перспективе.

Денис посоветовал максимальным количеством боевых

Юниверов окружить Йуругу до начала торможения и хорошенько «закрутить» её магнитосферу. Блокировав околопланетное пространство, быть в готовности к полному уничтожению объекта. Именно в этот самый момент может проявиться тот самый неизвестный боевой потенциал, накопленный за миллионы лет жизни в свете красной звезды. Ибо главное, – первый удар обязан быть решающим!

– Не справимся до подхода Чёрной к Сфере Оорта, – нас непременно сомнут на Рубеже Безопасности, – убеждено заявил он притихшему собранию, не имеющему иммунитета против военных эмоций, – Уроют как котят. Утопят в луже нашего же собственного ложного превосходства.

Никто ничего не возразил. И никто ничем не поддержал. Тогда Денис Исидорович, не столько разочарованный, сколько напуганный военной безграмотностью и равнодушием к его разработке со стороны не только землян, но и фаэтов, продолжил:

– Все силы Системы мы не сможем выдвинуть сюда, к Сфере. Остающиеся дома готовят два дополнительных пояса обороны: на орбитах Плутона-Нептуна и у пояса астероидов. Что касается Земли, – её надо превратить в крепкий орешек! Сделаем это, – кто-то да спасётся...

Эрланг видел, что Салтыкова восприняли чуть не как паникёра, взращивающего капитал-авторитет на ниве неполной ясности в обстановке. И попросил «Барта» высветить объёмную карту околосолнечного пространства, а затем

смоделировать наивероятнейшие варианты первых времён столкновения. «Барт» готовил программу, а попутно высвечивал картинки крупных астероидов и планетоидов. Указав Салтыкову искорку на одном из них, Эрланг спросил:

– Знаешь, что это сверкает?

Тот лишь пожал плечами, скрывая растерянность.

– Вояджер-2, запущенный в конце двадцатого века. Помнишь? С посланием за подписью Генерального секретаря Организации Объединённых Наций на золотом диске. И с приглашением к внеземным цивилизациям посетить Землю. Как он тут оказался – неизвестно. Но если бы Организация Объединённых Наций существовала в данный момент, можно было бы обвинить её в том, что приглашение сработало.

Денис Исидорович внутренним чутьём понял, для чего Эрланг с «Бартом» организовали этот демонстрационный показ. Люди Земли, отправляя к звёздам золотой диск, кричали на всю Галактику: «Смотрите! Вот и мы, разумная раса Вселенной! Не исключено, мы единственные на мегапарсеки. Но мы – вершина развития материи, мы...» И так далее... А оказалось – не в мегапарсеках, а в километрах – Шамбала, Цитадель. Как бы подобное не повторилось, предупреждали «Барт» и Леран Кронин. Как бы роль наивных землян не сыграли фаэты...

Проведённая «Бартом» наглядная военная игра подействовала. Вторую часть плана Салтыкова приняли, над проблемой превентивного удара обещали поразмышлять. Фор-

мально окончательное утверждение делалось Комитетом Пятнадцати, но Комитет полностью доверяет Эрлангу... А сам Эрланг не желает единоличных решений. Повеселевший и оправданный в собственных глазах Салтыков почесал нос и хотел было сказать всем «спасибо», как «Эриксон» доложил о настойчивой попытке войти в информационную сеть абонента с Земли.

– Кто-то из Планетарного Правительства, – совсем не пофэтянски заметил Антэ, изучая гаснущую схему боевых действий, развёрнутую по всему куполу Юнивера.

Экран связи показал твёрдое, с неумолимым прищуром, лицо Арни.

– Почему вы заблокировались? – спросил он, нацелившись амбразурами глаз на тающие остатки стрел, обозначивших направления ударов объединённых сил Земли с баз на Плутоне и поясе астероидов, – Я по проблемам Комиссии Возрождения...

– Что-то случилось? – задал вопрос Эрланг, – В любом случае говорить будем голосом.

– Мы беспокоимся... Жизненно приоритетная задача уходит в тень, – лицо Арни стало ещё жёстче.

Эрланг помрачнел и опустил глаза.

– Обращаюсь к Эрлангу как к советнику Комитета Пятнадцати, – продолжал Арни, не отрывая взгляда от расцветённой точками и стрелами последнего эшелона обороны, пояса астероидов, – В Комитете большинство земляне, к тому же

дети. Разве они способны определить главную задачу современности?

– Арни, ты стал многословен, – строго сказал Эрланг, – Говори по сути.

– Хорошо, – согласился Арни, – Угроза приближается. Хочу знать, сколько отпущено времени для осуществления операции «Туман» в нормальном ритме. Сокращать время адаптации братьев и сестёр в земном мире более невозможно. Второе: Комиссии Возрождения, возглавляемой мною, недостаёт сил для обеспечения безопасности Аквалотов. С пиратством в морях я не справляюсь. Предложил Комитету Пятнадцати уничтожать все суда, пытающиеся пересечь зоны туманов. Меня не поддержали.

– Благодарю, брат Арни, – задумчиво сказал Эрланг, – Сегодня я буду иметь разговор с Эйбером, Бортниковым и Прохоровым.

Видеоэкран с лицом Арни и схема обороны потухли. Начальник экспедиции командным тоном завершил встречу:

– Всё! Пока действуем по пакетам. Внимание артефактам Сферы, – только попутное. Антэ, Салтыков и я на «Эриксо-не» немедленно стартуем к Земле. Необходимо срочное закрытое заседание Планетарного правительства и Комитета Пятнадцати. Мнение каждого по предложенной сегодня программе будет учтено...

ЗЕМЛЯ.

ТАТАРСКИЙ ПРОЛИВ. ЗАЛИВ СЧАСТЬЯ

Прибрежный песок отчаянно боролся с агрессивной пеной. Тёмная мокрая полоса шипела взаимной ненавистью суши и воды. Небо нависло над людьми сверкающей громадой грязно-серого равнодушного лазурита.

Арни щурил глаза, стараясь не смотреть на маленького невзрачного человечешку. Волей Комитета Пятнадцати и стоящего за ним ренегата-дирижёра Эрланга-Лерана человечешка пользуется теми же полномочиями, что и он, фаэт. Он, бывший вторым лицом в Шамбале... Нет, земной спектакль требует замены сценария!

Арсений Кусик, сорокалетний гияк из приамурского посёлка Орель-Чля, умел щуриться не хуже золотоглазого полубога. Что было нетрудно, так как Арсения тому научила суровая внешняя жизнь, а не кипение внутренних чувств, раздирающих душу и сердце. Кусик никак не признавал божественности фаэта Арни и, пожалуй, держал того в ранге ниже духов озера Орель. Коричневое обветренное лицо, обрамлённое волосом, похожим на пережжённую толстую проволоку, говорило об озабоченности исключительно делом. Что вполне соответствовало положению уполномоченного Комитета Пятнадцати по региону.

– Директор Арни волнуется напрасно, – сказал Кусик с хитрой улыбкой, раскуривая сырую сигарету «Прима» без фильтра; «Прима» в последний месяц стала всемирно модной, чем Арсений гордился, – Люди Земли работают надёжно.

Как и Арни, он смотрел на полосу жемчужного тумана, закрывшую восточную линию горизонта. Повышенное внимание Комиссии Возрождения в лице её директора к северному дальневостоchnю Арсения Кусика очень настораживало. Древнее чутьё рыбака-охотника, не забывшего таёжные тропы и бакены Амгуни, говорит: где-то рядом что-то не так! Не так стало после явления фаэта! Иначе говоря, жди, Арсений, или свежей песчаной отмели за ближним речным поворотом, или броска рыси сзади сверху.

...С фаэтами никогда не поймёшь, откуда ветер. Они как старые памятники, – красивые да холодные. Вот их вождь – тот другое дело. Арсений однажды встречался с Эрлангом. На всю жизнь впечатление. Эрланг – не памятник, не идол. Он не меньше живой, чем земляне. Земляне – люди Земли... Хорошее, тёплое слово.

– Я здесь потому, что золотые дожди в данной акватории особенно обильны, – Арни старался скрыть свои мысли; этот абориген будто без слов понимает, зачем он сюда прилетел, – Комиссию беспокоит...

Кусик выдохнул едкое сизое облако, ветер отнёс его точно к лицу Арни. Фаэт с отвращением помахал ладонью перед

НОСОМ.

– Напрасно, однако... Мой район стихия затронула в меньшей мере. И беспорядков почти нет. Выбор мест для Кругов Дождя очень удачен. Николаевск-на-Амуре, Маго, малые поселения... Достойных семей хватит на много золотых дождей. Всех вновь рождённых устроим. Только бы времени хватило.

«Времени?! – готовый вопрос крутнулся в голове Арни острой болью, – Он думает о Чёрной планете. Так прозвали Йуругу земляне, а вслед за ними мы. Мы вслед за ними: невиданно и неслыханно...»

Возмущение поворотом судьбы кольнуло иглой в центр сердца. Не с небес ли игла? То, что творится на Земле в последние годы, не укладывается в голове Арни. Обновлённый Эрланг и его новобольшеви́стская партия перевернули устойчивый порядок Цитадели, лишили мечты... Уверенность Арни крепнет: для фаэтов союз с ящерами Йуругу предпочтительней, чем квазибратство с землянами. С подачи Эрланга их зовут одним словом: люди.

Люди! То есть человеки!.. Арни скосил глаза вниз... И это человек? Такой же, как Эйбер или Айла?

Лицо как печёное яблоко; мысли просты, как земная математика; ни внешней, ни внутренней силы; о красоте и... И вот, Эрланг объявил, – Кусик и Арни равны! Нет уж!

А уполномоченный Комитета Пятнадцати Арсений Кусик будто и вправду угадал мятежные мысли низверженного ку-

мира, полубога-неудачника.

– ...Однако, я не совсем понимаю, – он длинно улыбнулся, потянулся рукой, но не коснулся высокого плеча фаэта, – У всех Юниверсы, одни и те же, не так ли? А люди, то есть земляне, собирают контейнеров в десятки раз больше. Больше, быстрее, легче чем вы. Почему?

Вопрос как на допросе... Арни молчал, не шевельнув ни малейшим мускулом лица. Трёхбалльный шторм катил по песку мутной волной, выбрасывая связки бурых вонючих водорослей. Вопрос Кусика ударил в больное место. Кусик явно не любит Арни. И бьёт выверенно...

– ...Вы изобрели новые детекторы живого вещества. Но дело оказалось не в них. Ты – глава Комиссии и операции «Туман». В твоих руках большая власть. Ты сам, по своей прихоти, меняешь координаты свободного поиска в космосе. Люди Земли собирают контейнеры, фаэты возят их сюда. Я не против, такое можно понять. Но почему и на Земле земляне отстранены от выбора мест падения золотых дождей?

«О, как опасен худосочный абориген! А если такой вопрос задаст Эрланг? В самом деле, почему? Землянин прав, без их участия такого урожая не собрать. У них необъяснимая интуиция. Братьев и сестёр стало больше, чем за всю земную историю. Радоваться бы... Как радуются многие и многие братья...»

– Как думает Арни, отобьёмся мы от звёздного нашествия? – спросил Арсений, – Чтобы рай воцарился всюду, не

только в Шамбале...

– Так, чтобы всюду рай? – снизошёл до диалога Арни, – Слишком много среди землян бездельников и преступников. Слишком много сил уходит на удержание порядка.

Кусик вздохнул и прикурил новую сигарету.

– Да-а... Избранных Комитетом Пятнадцати землян немногим больше, чем фаэтов. А те, другие... Они ещё не успели стать людьми. Чтобы стать человеком, одного времени мало. Кое-кому не хватит и миллиона лет.

Он замолчал, поднял голову. Небо прежнее, давяще свинцовое. Но сердце предвещает близкую радость оттуда. Радость встречи...

– Простите, я много болтаю. Хочется иногда человеку поговорить с другим человеком. Конечно, кто я? Уставший от жизни нивх из глубоко провинциального посёлка. А кто вы? Легендарная Шамбала и, – Орель-Чля...

Арни принял сигнал позже Арсения. Природа не говорила с его сердцем напрямую. К ним шёл Юнивер Комиссии Возрождения. Арсений улыбнулся: машину вели два землянина. Исключительный случай! Снова рекордный урожай семян лотоса!

Землянин и фаэт встречали транспорт на песке, в нескольких шагах южнее амфибии уполномоченного Комитета Пятнадцати. Небольшой, менее десяти метров в диаметре, шар приземлился рядом с амфибией, окрасившись похамелеонски в жёлтый цвет. Ещё один признак того, что пи-

лот – землянин. Только они используют режим маскировки в полном объёме.

Фаэт Арни тоже не менял привычек. Он объявил Кусику и не успевшим выйти поисковикам, что встретится с пилотами над зоной Аквалота и эффектно поднялся в воздух, направляясь к прибрежному лесу, где прятался его персональный Юнивер. Арсений вошёл в свою амфибию один.

Высота пятьсот метров.

Перламутровый кружок действующего Аквалота выглядит драгоценной раковиной, всплывшей со дна моря. В кругу тумана царит штиль.

Планетарное правительство отдало на операцию «Туман» всё, что могло. В распоряжении Комиссии Арни фаэты, люди, дельфины, Юниверы, морские суда от авианосцев до торпедных катеров и буксиров, космическая сеть поиска контейнеров. Военно-полицейская блокада районов мирового океана устанавливается и снимается лично Арни. Но полномоченные по регионам, отвечающие за адаптацию вновь рождённых, работают вне рамок Комиссии Возрождения.

Кусик по спутниковой карте оглядел акваторию. Авианосец ближе к сахалинскому берегу. По периметру Аквалота пять катеров, поддерживаемых вертолётами типа «Чёрная акула» Солидно. Интересно, чем прикроет Арни новый Аквалот?

Милях в пяти южнее покачивается на волнах средний рыболовный траулер, оснащённый самодельными мачтами и

парусами. Солярка давно дефицит, и пираты с браконьерами осваивают древние способы хождения по морям. На крыше капитанской рубки сидит человек, направив подзорную трубу на север. Люди на траулере знают, что впереди Аквалот. А следовательно, там – спокойная вода, рыба и крабы. Если повезёт, можно взять дельфина. Нос траулера украшает крупнокалиберная зенитная пушка. В распоряжении экипажа наверняка автоматы, пулемёты и гранатомёты. Обычный пиратский набор... Но страх держит их вдали от установленной двухмильной зоны. Её пересечение означает арест и уничтожение судна. Страх перед фазтами сохраняет единственную оставшуюся на планете пограничную полосу. Если не считать границу, отделяющую Шамбалу от остального мира.

Настроив станцию на рабочую частоту Комиссии, Арсений направил амфибию к шару разведчиков, занявшему позицию северо-западнее жемчужного пятна Аквалота-31.

– ...Говорит рейнджер Уинборн. У нас с Сокуро на борту полный комплект. Готовьте зонд.

Уинборн и Сокуро... Обоих Арсений знает хорошо. Бывшие военные лётчики армии Соединённых Штатов Америки, лучшие в Системе сборщики контейнеров. И цену себе знают. Уж если они решили организовать золотой дождь у Залива Счастья, то Арни никуда не денется.

Ярко-алый диск директора Комиссии почти коснулся шара рейнджеров.

– Уинборн, кто вас направил в этот район? – голос Арни

звучал по-менторски строго, – Ваш пункт сброса – в Аравийском море. Залив Счастья блокирован. Действуйте!

«Он не может одновременно, разом контролировать сразу два ближних Аквалота, – вдруг понял Кусик, – И разброс в сроках раскрытия лотосов около недели. А ему зачем-то нужно лично присутствовать при рождении. Вот Арни и мотается по шарикю. А ведь фаэты присутствуют на всех Аквалотах, таков порядок. Не доверяет своим?»

Арсений коснулся сенсора передатчика.

– Уинборн, Сокоро... Я Кусик. Рад вас слышать и видеть. Возможности залива Счастья позволяют принять ещё тысячу контейнеров. На то у него и название такое! У вас их не больше?

Он представил лицо Арни и улыбнулся, разом помолодев лет на десять.

– Арсений! – заполнил эфир обрадованный голос Уинборна, – Ты лучший Кусик из всех Кусиков мира! Знаешь, тёплые моря переполнены бандитами, пиратами, контрабандистами, корсарами. Или мы не знаем своего дела, уважаемый Арни? Отодвиньте свой аппарат, через минуту начинаем.

Арсений глянул вниз: точно, можно начинать. Дельфины тут как тут, бороздят чёрными и синими спинами кружок спокойной воды. От палубы авианосца отделилось несколько вертолётчиков боевого обеспечения. Но истинным началом церемониала стало явление дракона. Искрящаяся радуга, разбрасывая веера сверкающих самоцветами капель, вылетела

из воды и устремилась к шару рейнджеров.

Кусик не раз наблюдал такое, но привыкнуть не мог. Ничего красочнее и мощнее представить просто нельзя. Узнав, что только люди помешали господству на Земле этих красавцев, он расстроился. Достаточно любому инопланетянину часок покрутиться на городских улицах планеты Земля, как ему станет совершенно и абсолютно ясно: господа фаэты ошиблись. Человеку не место под Солнцем и Луной.

Алый диск крутой горкой ушёл к югу. Директор не пошёл на конфликт. Вот как! Явный сбой в личной программе фаэта Арни. Операция «Туман» способна работать и без участия директора Комиссии, всё в ней отлажено-отрегулировано.

* * *

Арсений разогрел густой рыбный бульон, нарезал крупными кусками вяленую кету, поставил на песок бутылку можжевёловки. Уинборн с Сокоро благоговейно молчат. Кусик умеет делать праздники. Не потому ли они, вопреки приказу Арни, «отбомбились» в Заливе Счастья? Контейнерам всё равно, где раскрываться, а они месяц на концентратах.

Но полного праздника не вышло. Вернулся Арни, чтобы лично принять доклад от рейнджеров.

– ...Сто шестьдесят четыре контейнера. Рекорд года, – хмуро сказал Сокоро, отставляя недопитый стакан.

– Всё? – строго спросил Арни.

– Нет, – поколебавшись, ответил Уинборн, – Мы отметили странное излучение. Источник в ядре одной из короткопериодических комет. Думаю, следует заняться. Вдруг ещё есть? Чёрная пока далеко, но...

Серая тень прошла по лицу фаэта, замеченная одним Кузиком. Отреагировал Арни спокойно.

– Вы хорошо поработали. И, вы правы, Залив Счастья для ста шестидесяти четырёх самое подходящее место.

Он поднялся, скользнув напряжённым прищуром по закускам, разложенным на развороте старой порыжевшей газеты.

– А как же с кометой? – спросил Сокуро.

– Доложу в Цитадель. Вам день отдыха и в поиск. Координаты объекта сообщу в момент отлёта...

Глава третья. Комитет Пятнадцати

ЗЕМЛЯ.

ЦИТАДЕЛЬ. ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ БОЛЬШОГО СОВЕТА

Трижды мигнул мягкий свет, источаемый веществом потолка и стен. Игорь Всеволодович Бортников погладил ладонями лысину и занял место председателя. Вырезанное из гранита кресло на ощупь показалось деревянным, но здесь осязание может обманывать. Как и зрение.

Надо сосредоточиться, Премьер Планетарного Правительства обязан соответствовать. Он снова вздохнул, вспомнив годы заточения в Шамбале. Слишком быстрые перемены для сознания, отягощённого возрастом тела.

Члены Комитета Пятнадцати, мозг Правительства Земли, занимали места по правую руку, Верховные Исполнители – по левую. Десять из Пятнадцати – подростки, совсем мальчишки. Как хочется увидеть их совершеннолетие...

Вице-премьер Демьян Прохоров, москвич-земляк, кивнул ему с юношеской открытой улыбкой и тут же перевёл взгляд на советника Эрланга. Кумир юных гениев, лишённых детства и юности, фаэт-революционер, человек-загадка! Равновесие цивилизаций держится на нём одном. Остановив взгляд на ало-чёрной ленточке, перетянувшей лоб советника, Бортников поднялся.

– Начнём работу. Определяю направление мозгового

штурма. Центральным аналитическим органом Земли стать мы смогли. Но исполнительная власть полупрозрачна. Без силовой поддержки департаменты не имеют веса, распоряжения не выполняются. Давайте думать, как продвинуться вперёд.

Игорь Всеволодович сел и «услышал» приглашение Эрланга к закрытому обмену мыслями.

Эрланг-Кронин...

Леран Кронин отказался от поста Правителя Земли и Системы и вынудил принять эту должность Бортникова. Потом Леран нашёл Демьяна, потом собрал всех... И вручил им власть над людьми и фаэтами. Впрочем, кое-какую власть ребята уже имели.

«А вот мы рождаемся почти взрослыми, – остановил его размышления Эрланг, – Фаэты на Земле не имеют детства. Из нас никогда не получится Комитета Пятнадцати. Стиль мышления не тот. Нет, Игорь, не то... У ребят нет определённого стиля, нет парадигмы, задающей ограничения».

«Самоорганизацию хаоса я воспринимал как нонсенс. Поначалу. Правда, альтернативы не было. Мы поверили, а они сделали. Минимум принуждения, максимум свободы. Свободы мысли и воли. А ведь они только начинают...»

«Не на пустом же месте. Мы сохранили каркас ООН, внедрив в него элементы военно-политических союзов и отдельных служб некоторых государств. Теперь всё, что осталось после всеобщего развала, действует в едином ключе...»

«Благодаря вам, фаэтам. Иначе...»

«Заслуга братьев в ином, – они вовремя взяли контроль над средствами стратегического и оперативно-тактического поражения. Человечество стояло на пороге самоуничтожения. Мы могли бы ликвидировать все вооружённые силы. Хорошо, что не сделали...»

Свежие воспоминания увели мысли Бортникова в сторону от диалога с Эрлангом.

...Шахты баллистических ракет, мобильные ядерные установки, склады химического и бактериологического оружия, энергоустановки, запасы продовольствия, горючего и иного имущества... Сколько их, жизненно важных и смертельно опасных объектов, накопила Земля. Чего стоят орбитальные станции и спутники: все либо чисто военные, либо двойного назначения.

Первые попытки вооружённых группировок овладеть всем этим добром... Фаэты развеяли их в прах.

Игорь Всеволодович вернулся к теме мыслеобмена.

«Демьян обеспокоен тем, что обозначены только контуры порядка. Они пойдут дальше, и пойдут быстро. Они научились просчитывать следствия своих решений. Этим объясняется тема сегодняшней встречи».

«Детям Земли не хватило пары лет, чтобы самим изменить политическую структуру мирового сообщества. Теневое Интернет-правительство они создали накануне известия о Вторжении. Они имеют свою философию, идеологию...»

«Они составят основы нового мира?»

Бортников спросил и внимательнее прислушался к вedomой Демьяном Прохоровым мозговой атаке.

– ...Банды «Диких копов» контролируют территорию обеих Америк. Шеф – некий Брук. Его организация стремится охватить влиянием всю планету.

– «Дикие копы» делают то, чего не успевают наши оперотряды.

– Гангстеры... Устроили свой суд, на месте объявляют и исполняют приговоры. Помилование или смертная казнь – третьего у них нет. Игнорирование Планетарного правительства...

– Нет. Они объявляют нам о нашей слабости. Простые люди симпатизируют «Копам Брука», даже помогают им. Самые крутые преступники бледнеют при одном упоминании имени Брука.

Бортников сообщил Эрлангу:

«Этот неизвестный нам Брук собрал бывших полицейских, агентов ФБР и ЦРУ, спецназовцев из североамериканских штатов. У них хорошая инфраструктура: базы снаряжения, техники, оружия. Сила немалая».

«Интернет-сети Брука контролируются Комитетом Пятнадцати. Ребята надеются взять над ними контроль».

«Но Интернет разрушен!?»

«Не совсем. Беспроводные системы действуют».

Демьян подвёл первый итог:

– Решение по «Диким копам» оставляем до появления новых фактов и выяснения личности Брука.

Ян Зарка, куратор военного вопроса в Комитете, перевёл обмен мнениями в иное русло:

– Предпринята ещё одна попытка достичь Контакта с Чёрной планетой. Мы предложили ей помощь в отыскании оптимального места в Системе и мирную адаптацию в новом мире. Результатов нет.

Бортников встрепнулся: он ничего об этом не знал! Зарка, сын фаэта и земной женщины, – таких в Комитете Пятнадцати пятеро, – преподнёс сюрприз. Эрланг подсказал: Ян действовал в обход запрета на личностное посещение Чёрной планеты членами Планетарного правительства.

Юлия Данн поправила Яна:

– Отчего же! Результат есть. Я проанализировала: ответа нет и не будет по одной причине, – они просто не принимают нас в расчёт. Мы для них фактор не существенный.

– Или не существующий! Для их бодрствующего мозга мы мертвы. Уже! Так, Юлия?

– Точно. Они считают себя единственными хозяевами Системы. Подозреваю, в какой-то степени они уже контролируют нас.

Пришло время встрепенуться, забеспокоиться и Эрлангу. Двухмесячное отсутствие в связи с путешествием к Сфере Оорта... Ян Зарка доложил об ещё одной сенсации:

– Во время психовизита на Чёрную я обнаружил образо-

вание, подобное тому, что открыл Денис Салтыков на обломке мега-Фаэтона. Затем образование исчезло: ни зеркала, ни пирамидок больше не видели. Важно ещё, что двигателя, каким был оснащён Фаэтон, на Чёрной не имеется.

– Выходит, мы не знаем, что движет планетой? – спросил Сэнди Высоковский

– Не знаем, – сказал Демьян, – Поэтому работы на рубеже Безопасности более чем оправданы.

«Игорь, мы с тобой упустили и продолжаем упускать нечто важное, – мысль Эрланга выдавала встревоженность, – Они нащупали больное место. Но сами не смогут...»

«Враг нас мистифицирует? Он знает о нас слишком много? Осведомитель? Как такое возможно?!»

Игорь Всеволодович заёрзал в кресле; оно вдруг потеряло теплоту и удобность дерева. Холодное ощущение близости провала, пропасти на пути, по которому все они идут... Как остановиться, чтобы оглядеться? Чтобы увидеть то, чего не заметили и не замечаем на ходу?

– Нам нужна новая геральдика! – совсем уж неожиданно потребовал Майлс Шиф, тоже полуфает.

«А ведь основной диалог они ведут «под столом». В словах фиксируются лишь вехи, лишь внешние признаки работы общей мысли. Эрланг спокоен, он сегодня – Леран Кроппин».

– ...Змея, кусающая себя за хвост, – обозначение вечности. Разве можно отобразить вечность в преходящем? Утвер-

дим временную эмблему новой Земли.

«Кто это сказал? – Игорь Всеволодович почувствовал, что устаёт, – Я перестаю соответствовать должности...»

А Майлс уже поднял над головой кусок картона, с рисунком.

...Шар Земли без континентов, всего десяток островов. По четырём сторонам света к земному шару примыкают четыре фигурки. На севере дракон, на юге дельфин; слева фаэт, справа землянин.

Герб нового земного сообщества...

А Демьян Прохоров загонял начальника в новый тупик:

– А как дела с созданием новой логики мира?

Ответила Юлия Данн:

– Основные структурные единицы сформулированы. Проблема во внутренних соотношениях. Но она разрешима. Мы успеем.

Демьян мимикой изобразил высшее удовлетворение.

Игорь Всеволодович не удержался от улыбки: «Старая человеческая догадка... Кажется, звучала она так: структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Скажем, если нет в языке понятия «Красное», то радуга видится шестицветной».

Роберт Клуни выражался книжно, и, по-видимому, на том же уровне он и размышлял:

– На текущий момент как земляне, так и фаэты имеют дело всего лишь со сторонами-гранями Майи, с отражениями

отражений. Искажения, в том числе определяемые пси-эффектами, не учитываются. Отсутствует единая картина мира, и мы творим хаос, а не упорядоченный мир...

«Вот так, Игорь! Язык человека творит человеческий мир... Всё начинается от слова. Они ставят задачу: объективировать внутреннюю и внешнюю речь».

«Именно! Я думал над этим во время затворничества в Шамбале. Очистить язык, освободиться от иллюзорных реальностей... На первых порах ограничить смысл понятий. Вначале – ключевых, затем – наиболее распространённых. В компьютерной реальности новый язык они уже создали? И, видимо, он готов к экспансии за пределы интернетовских гиперпространственных баз существования».

«Ты заговорил как Роберт. Надеюсь, они понимают, что широкое внедрение новой речевой реальности возможно после победы. Или поражения... Иначе нововведение станет лишним аргументом неустойчивости и раздора».

«О нет! Если бы они не смотрели на длинный шаг вперёд, то не поставили бы проблему. На то у нас Комитет Пятнадцати, а не совет старцев, цепляющихся за привычное».

Юлия Данн отвечала на чей-то вопрос:

– Поэзия? Новая поэзия придёт после, когда язык оживёт. Пушкин с Бёрнсом будут иметь не худшие переводы. А кому понадобится, – те прочтут их на древних наречиях. Сузить круг восприятия легче, чем расширить...

Начальник правительственной охраны Эрнест Мартин

приоткрыл дверь и нашёл взглядом Бортникова. Игорь Всеволодович поднялся и вышел навстречу. Мартин почтительно склонил голову перед премьером и передал ему видеодиск и бумажный пакет под сургучной печатью. Бортников вернулся к столу и занял место рядом с Эрлангом. Советник, сидящий на заседаниях напротив премьера, всегда держал рядом резервное кресло. Пока персональный компьютер разбирался с диском, Эрланг вскрыл печать и ознакомился с содержанием пакета. Заметно повеселев, он остановил продолжающийся мозговой штурм. Всё равно подросткам требовался перерыв.

– Господа Комитет! Приятная новость: у нас новый союзник. Свежая информация о «Нео-Силлабусе». Оказывается, мы его недооценили. У меня неопровержимые доказательства: «Нео-Силлабус» – ведущий дестабилизатор всего социума. Тут имеется и намёк на действие некоего внешнего фактора. Вот вам ещё задачка.

– Источник достоин доверия? – спросил Демьян.

– Абсолютно! – заверил его Эрланг, – Я знаком с ним достаточно близко. Только благодаря этому обстоятельству он счёл возможным обратиться к нам открыто.

Компьютер справился с защитой диска, но Бортников остановил воспроизведение. Скорее всего, запись подтверждает данные пакета.

– Автор послания присутствовал, – незримо, он это умеет, – на организационном собрании «Нео-Силлабуса». Во

главе свежей секты встали двое. Чёрный папа Ранверсер, генерал ордена иезуитов; Иосиф Смит, пророк мормонов.

– Но Иосиф Смит – это же девятнадцатый век! – удивилась Памела Шиф, единственная дама в правительстве, чей возраст превысил сорокалетний рубеж.

– Этот Иосиф Смит недавно назывался Морисом Болдуином. К нему ещё вернёмся, – перелистал страницы Эрланг, – Генерал Ранверсер и есть неизвестный нам до сего времени вдохновитель избиения учёной братии и разрушения научных учреждений. Забытый документ католической церкви возрождён с его подачи. Ранверсера поддержали все ордена и секты. В том числе исторгнутый недрами православия «Славянский Ангел». Демьян, на него есть информация?

Прохоров кивнул и начал поиск нужного файла на своём компьютере.

– Прекрасно, – продолжил Эрланг, – Пророк из штата Мэн при множестве свидетелей вышел из вод Солёного озера в белых одеждах, подаренных ангелом Морони, и немедленно принялся вещать. Выйдя из волн, направился в свою стеклобетонную резиденцию. Тут и началось... К сожалению, я пропустил сей исторический момент.

– Солт-Лейк-Сити! – с интересом воскликнул Роберт Клуни, – Единственный город в Северной Америке, где сохранён прежний порядок. Даже электричество действует. Теперь ясно...

– Иезуит и мормон, – двуединая глава «Нео-Силлабуса».

Да, учредительное собрание весьма представительное. Вот, пожалуйста, францисканец, вождь «Братьев Свободного Духа». А за ним – сотни монастырей, где готовят боевиков.

– Обстановка такая, что десяток подготовленных и организованных людей могут подчинить себе территорию целого государства, – грустно сказал Жак Марсель, ещё один взрослый член Комитета Пятнадцати.

– А вот... Любопытнейшая личность. Чжижень, «истинный человек» из Китая. Будет покруче мормона Смита, – тоже «пророк» плюс живое олицетворение живого Космоса. Для миллионов за его спиной смерти не существует... В пакете досье на всех организаторов и вожаков «Нео-Силлабуса».

Бортников в задумчивости заметил:

– Сведения сверхсекретные. Хозяин пакета рисковал головой.

– Мартин, посланец, естественно, не знает, от кого пакет и диск? – спросил Эрланг.

– Никакого представления. Мы его проверили, в башке пусто.

– А мы вот сейчас познакомимся с нашим тайным доброжелателем, – Эрланг кивнул Бортникову, и тот вывел информацию с диска на настенный экран.

Мужчина средних лет, лицо красивое, привлекающее, усталое. Полуоткиннутый капюшон скрывает широкие плечи. Голос спокойный, нейтральный...

– Рад оказаться полезным Комитету Пятнадцати. Но цель моя – оказать услугу Лерану Кронину.

Голова на экране повернулась точно в ту сторону, где сидел Эрланг, создав эффект виртуального присутствия.

– Леран и представит меня вам. Комитет упустил появление опаснейшего отрицательного фактора. «Нео-Силлабус», – это второй фронт. Фронт в тылу предстоящей борьбы. Не допустите. Займитесь также второй проблемой: в ближнем вам круге действует агент. Он связан не только с «Нео-Силлабусом», но и с Чёрной планетой. Как и кто он, не знаю. Известно прозвище – Аполлион. Теперь, Леран Кронин, останови воспроизведение и представь меня. После чего я закончу обращение к Комитету.

Эрланг назвал имя Агасфера, чем вызвал лёгкое замешательство. Пришлось изложить краткую историю последних лет «вечного странника».

– «Общество», которым руководил не один я, – продолжал с экрана самый таинственный землянин, усмехнувшись в направлении сидящего молча Эйбера («неужели он заранее знал, кто где сядет?») – подумал Леран), – ушло в тень следом за мной. Я сохранил основные кадры. Мы не будем действовать как «Дикие копы», на свой страх и риск. Ошибок сделано предостаточно. Предлагаю печально известное «Общество Агасфера» в качестве основы новой планетарной полиции. Займёмся «Нео-Силлабусом». Потом – посмотрим... В противном варианте мы уйдём навсегда. Да будет так, как

решил Леран Кронин.

Эрланг опустил руки на пакет с бумажным досье и оглядел присутствующих. Столь неожиданное и театрально преподнесённое появление Агасфера подействовало на всех, не только юных. Роберт Клуни, ведущий сектор общественной психологии, куда включили и религию, пребывал в растерянности.

– А я считал, что погромы учёных не имеют единой основы. Думал, деморализованные армейские группы... Это моё упущение. Новый «Силлабус» много страшнее «Диких коп» Брука.

Рик Уоллес, именующий себя «свободным комиссаром» Комитета, добавил:

– Упущение не только твоё. Информационное обеспечение никуда не годится. Сеть должна проникнуть во все уголки. А людей не хватает. Среди семи миллиардов не можем выбрать пару-тройку тысяч...

Бортников понял: предложение Агасфера прошло, «вечный жид» обрёл легальную «государеву службу».

* * *

По уже сложившемуся обычаю «под занавес» шли кадровые назначения и перестановки ключевого уровня. Одно назначение уже состоялось. На очереди второе и последнее: креатура Советника правительства на должность командира

Рубежа Безопасности – Денис Исидорович Салтыков.

Ожидавший приглашения с раннего утра, он вошёл в зал заседаний предельно серьёзный, с глазами навывкат. Ударил каблуками о звонкий гранит, чётко повернулся, вытянул руки по швам и громко назвал себя. И тут же, не сделав и секундной паузы, сказал, сверля преданным взглядом Эйбера:

– Ну вы, мужики, даёте! Столько просидеть без завтрака! И я теряю вес в тамбуре, как солдат на киче. Хоть распорядились бы, что ли... Ну и народ...

«Народ» сидел и смотрел, ошеломлённый натиском. До тех пор, пока Эрланг с Бортниковым не захохотали.

– Вполне справедливо, – борясь со смехом, согласился Игорь Всеволодович, – Сейчас и подкрепимся. Ждали вас и последней звезды. Мы с вами в равных условиях. На киче как на киче.

Он ещё раз хохотнул, а Денис расплылся в улыбке:

– Другое дело. Война войной, а обед – по распорядку.

Мартин, с интересом поглядывая на невысокого круглого русского, которому, на первый взгляд, пристало работать в цирке, а не командовать первой линией обороны Солнечной системы, быстренько организовал кофе и закуски.

Салтыков ограничился чашечкой кофе и небольшим бутербродом с сыром. Затем потёр кулаком покрасневший нос и заявил:

– Вот так! Я что? Я теперь готов служить верой и правдой. От тайги до британских морей... А прикажете, и дальше.

– До каких морей? – не понял Жак Марсель.

– До любых, мальчики, – без улыбки пояснил Денис, – До млечных и даже внегалактических.

Страницы досье на кандидата светили на дисплеях. Бортников считал – это лишнее. Предложения Эрланга всегда проходили с первой подачи. Прохоров с коллегами переглянулись, и юный заместитель премьера сказал:

– Мы, конечно, согласны, – тут он, виновато посмотрев на советника, вздохнул, – Но с маленькой поправкой. Мы назначаем Салтыкова Дениса Исидоровича Главкомом планетной группировки и вводим его в Комитет Пятнадцати на правах военного советника. Ведь число советников не влияет на название Комитета?

– На число плевать! – исключительно по-земному, не пофэтянски, едва заметно подмигнув Бортникову, отреагировал Эрланг, – Но обоснуйте!

Демьян закашлялся, опустив глаза.

– Наш банк человеческого материала... Простите, я хотел сказать список людей, способных... Вы понимаете? Мы крайне ограничены в ресурсах. Ситуация требует резерва, двойного комплекта. А у нас первый эшелон никак не укомплектуется...

– А причём тут Салтыков, ребята? – спросил Бортников, прикрывая рот ладонью.

– Обосновываю! – справился Демьян с волнением, – Не исключено, мы сдадим Рубеж Безопасности. Останется жид-

кая сеть фортов на крайних планетах и спутниках гигантов. Пояс астероидов более-менее укрепить успеем. Там проиграем – надежда всё равно будет жить. Но если сдадим Землю – потеряем всё! До сего дня мы не видели приличной кандидатуры... Денис Исидорович Салтыков назначается Главкомом планетарной обороны. Большинством голосов. Он нужен Земле. Будет нужен. А если не пригодится на этом месте, значит, – нам и ему сильно повезло.

Денис переводил недоумевающий взгляд с одного лица на другое. Мальчики, все не старше пятнадцати-шестнадцати лет, держались уверенно.

– Ну, если Земле требуется исключительно Салтыков, – Эрланг улыбнулся светло и радостно, развёл руками, – Нет проблем. Поздравим Дениса Исидоровича. Только помните: он не любит воевать на голодный желудок. И не терпит, если пропускают первое «и» в отчестве. И не большинством, Демьян, а единогласно.

* * *

Советник и премьер провожали свежеиспечённого Главкома в Департамент Обороны. Салтыков, разглядывая подземелья Цитадели, шёл молча. И только перед дверью Департамента негромко и смущённо заговорил:

– Так... Надо же... Ну да ладно, Земля так Земля!

Тут он полностью овладел собой и сказал с хитровой

усмешкой:

– Господа начальники, а вы заметили одно прелюбопытнейшее явление? Идёт русификация высшего эшелона власти. Ещё чуть – и Шамбала станет Беловодьем. Как вам такое?

Игорь Всеволодович задержал руку перед сенсором входа и сказал:

– Действует исторический закон: чем тяжелее, тем больше Невтонов рождает земля русская. Вот и пошёл всплеск. Особо среди юных.

– Да, мы с вами как раз самые юные, – хмыкнул Салтыков, – Но это шутка с долей юмора. А теперь – прошу к себе в апартаменты.

Он решительно коснулся рукой сенсора; монолит камня медленно пошёл в сторону...

* * *

ЗЕМЛЯ.

ВОСТОЧНО-ТИХООКЕАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

НЬЮ-ПРАЙС. РАЙОН АКВАЛОТА № 12

Леда осторожно коснулась пальчиками ноги тёмной воды и отступила на мокрый песок.

– Леран, а песка всё меньше...

– Океан движется, – отозвался он так же вполголоса, – Ещё месяц-два, и наш посёлок станет подводным.

– А потом что? Сент-Себастьян, Мэн-Сити... Не верится, что так будет.

– Просто не хочется верить, Леда. Но океан сильнее нас. Планета устала от людей.

– Смотря каких... Ой, Элиа!

...Фиолетовая дуга блеснула отражением солнца, фонтан брызг, щёчки, свист. Хитрое дружелюбие взгляда... Конечно, это Элиа...

– А где Ириан? – Леран почувствовал его, понял игру, и только потому спросил.

– Он играет с нами в прятки, – Леда зашла в воду по колени, край платья намок, отяжелел; и она сразу стала тоньше, почти такой, какой её вызволили из психиатрической лечебницы. Когда это было?

– ...Он ждёт тебя, Леран. Ты пойдёшь?

Он не ответил. Ему хотелось не говорить, а слушать. Наверное, Ириан разобрался, и взметнулся над водой чёрной радугой. Радости дельфинов нет предела: быть рядом с людьми, которых любишь, – блаженство. Дельфины не видят разницы между землянами и фаэтами. Как и Леда. Но ведь Леда считает, что люди и с дельфинами одной крови.

– У Элиа с Ирианом семья на всю жизнь. Леран, ты знаешь, дельфины соединяются и не расходятся. Нет у них разводов и всё тут.

Не сознавая того, Леда ощущает ветер грядущего. А что в тех днях, он предвидит: кровь и печаль, печаль и кровь.

Знает оттуда же, откуда берется чувство Леды. Чувство расставания... Не развода, не измены – а именно обоюдной разлуки.

– Они так чисты и преданы друг другу! У Ириана и Элиа, у Аманды и Майкла, – семьи на всю жизнь. Дельфины соединяются и не расходятся. Не разводятся, как люди. Никогда. Как мы с тобой, верно?

«Что-то её ждёт? И не отвратить ведь».

– Так у них матриархат, – сказал он, обнимая её взглядом, – Центр неразделимой семьи – дама. Как тебе такое? Справишься?

– Нет, Леран, матриархат у людей. У дельфинов... У них дамы не борются за власть, а просто пользуются ею. Как свободой. Я буду пользоваться тем, что дашь мне ты. Будем как дельфины?

«Как дельфины... Как Мария и Ирвин!»

Леран свистнул, наклонился к воде, выбрал два камешка и постучал ими. Ириан вынырнул совсем рядом и окатил тёплой волной.

– А почему они здесь? – встрепелась Ледя, – Ведь у всех сейчас дело...

– Аквалот недалеко. Узнали о нашем приезде, сделали перерыв.

Ледя приблизилась к Лерану, качнулась, обвила руками его предплечье. Вздохла:

– Не могу привыкнуть. Настоящее чудо: из морского цвет-

ка рождается человек. Скоро в семьях Нью-Прайса появятся взрослые дети. Сказали бы тогда – ни за что бы не поверила.

«Когда человека тянет в прошлое, – он боится будущего. И неудовлетворён настоящим. Близость звёздной кары... Но за что карать её?»

– Леран! Я одного не понимаю. Почему так мало женщин рождается? Их почти нет...

– Я тоже не понимаю. Такого не должно быть. Я... Нет, Эрланг, – он прищурился как Арни; вокруг Ириана с Элиа столько солнечных зайчиков вспыхивает, что глаза заслезилась, – Эрланг не ошибся. Отсутствие фаэтянок, – одна из тех проблем, которые никак не объяснить. Из тех тайн, которые люди называют Провидением, Промыслом.

– И ты не желаешь разобраться?

– Не вижу, как разбираться. Никто не способен понять всё на свете. А некоторые тайны лучше скрыть в ящике с запретной печатью и никогда не заглядывать внутрь.

– Тайна под печатью.., – Леда откачнулась от него, сделала шаг вперёд, под брызги дельфиньей игры, – Я говорила с Памелой. Она в Комитете занимается Аквалотами. И женским вопросом тоже. Так Арни её даже к статистике не допускает. Почему?

– Леда, не могу же я и туда влезть! И так неприлично получается: советник, а везде как контролёр или командир. Комиссия Возрождения не из одного Арни состоит. А отношения Памелы с ним... Комитет разберётся.

Леда повернулась кругом. Печали в её глазах как не бывало, искрятся утренним рассветом. Одним непрерывным движением она сняла через голову платье, отбросила его к берегу и крикнула весело:

– Всё, хватит! Нас ждут, а мы болтаем.

Леран бросился за ней. Через минуту игры дельфины понесли их на спинах к Аквалоту №12, или, по-земному, к Кругу Дождя. Жемчужно-серебристая полоска приближалась. В небе мелькнул кусочек радуги.

– Мой друг Радомир, – проследив за ним взглядом, прокричал Леран Леде, пытающейся встать на мокрой и скользкой спине Элиа, – Драконов едва хватает на все Аквалоты.

– Радомир любит тебя, – ответила Леда, оставив эквилибристические попытки, – Узнал, что ты здесь, и прилетел.

* * *

Дельфины вошли в зону тумана и замерли. Громадный белый лотос возвышается в неподвижной зелени воды, окружённый призрачным свечением. Чуть добавить освещения, – и сквозь тонкую ткань лепестков можно различить человеческую фигуру... Оставались дни до раскрытия. А пока – под прикрытием сине-зелёных листьев в глубь океана уходит питающий стебель, несущий строительный материал для воссоздания человеческого тела. А в мягком коконе лотоса разворачивается психика личности, из свёрнутой в семени

программы перетекает в нейронные сети, в спирали ДНК.

Последнее детище Эрланга... Леран смотрит и вспоминает годы работы накануне гибели Фаэтона.

...Цветок обзавёлся листьями, – пройден субатомный уровень реконструкции, идёт стадия атомно-молекулярного синтеза...

Леда думает о том же, но по-другому. Имени Эрланг она не любит. Удивляется, как её Леран смог придумать и сотворить такое чудо. Рождение человека из семени лотоса... В прежние времена лотос охранялся элементами распавшегося контейнера. Таинственный туман, инфразвук, человеческий страх – их было достаточно. Но дельфины помогали и тогда. А сейчас – корабли, подводные лодки, Юниверы... Кругом война людей с людьми, беспорядочная и бессмысленная. Впереди война людей со страшилищами. Люди, рождённые с помощью Лерана, получают вторую жизнь не для мира, а для войны. Фаэты тоже не бессмертны.

А фаэтянки носят венки из земных лотосов. Фаэтянки красивее земных женщин, они горды и недоступны. Как Айла...

Сейчас звука в тумане нет, Леран управляет им. Он один знает, как это делается. Но всё равно немного страшно. По дрожи, пробегающей изредка по спине Элиа, Леда поняла, – дельфины тоже боятся. А её отец не боялся. Он видел то, что видит она. И не рассказал о виденном никому. Кроме Барта Эриксона.

И зачем Леран назвал флагман-Юнивер его именем? Разве недостаточно яхты?

* * *

Дельфины вернулись к своему Кругу Дождя, Аквалоту-12.

Леда нежилась на горячем песке рядом с бывшим Центром Спасения. А ещё раньше тут стоял её родной дом.

– Леран! – она перевернулась на живот и положила руку ему на грудь, – В Египте такие места называли «Озёрами белых лотосов». У одного озера было и собственное имя, из трёх согласных букв. Потомки прочитали их по-женски: Сюзанна...

– Откуда тебе известно? – удивился он, повернул голову и поднял локоны, прикрывшие её глаза.

– Я ведь бываю здесь. Иногда... Все наши вещи на старых местах. И твой первый компьютер тоже. Вот я и заглядываю.

Подарок Барта... Слушая Леду, он вспоминал, что успел загрузить в память жёсткого диска.

– Египтяне так интересно объясняли происхождение мира. Я вспомнила, в компьютере есть запись из Гермополя. Написано примерно так: «Цветок лотоса поднялся из первозданного хаоса Нуна. В раскрывшихся лепестках сидел божественный младенец, олицетворяющий бога Солнца Ра. Солнечный младенец появился из лотоса и осветил землю,

пребывавшую во мраке...» Как? Я правильно запомнила? Там тоже красивый белый лотос...

– И ты поняла, что скрыто в записи?

– Да. Поэтичная шифровка реальности. Они видели второе рождение фаэта... Рождение человека на воде. Вначале он появился из земли, из глины. Вторично, – из водного цветка. Это же не всё?

– Ты пореже заглядывай в мой детский компьютер. Там такая путаница!

Леда вздохнула, придвинулась к нему вплотную.

– Все эти вопросы от Чёрной... Она всё ближе... Если бы не она! В земных морях расцветают лотосы, на берегах всеобщая радость... Среди семей конкурс, – кому доверят воспитание новорождённого фаэта. И – мир, согласие...

Леран усмехнулся:

– На Земле – и мир? Согласие? Когда такое было?

Глава четвёртая. Зрачок Зверя

НА ОРБИТЕ У ЧЁРНОЙ ПЛАНЕТЫ – ЙУРУГУ.
ФЛАГМАН ЗЕМНОЙ ЭСКАДРЫ «БАРТ ЭРИКСОН»

Командная рубка «Барта» тяжелела затянувшимся молчанием. В сведённом к минимуму освещении люди превратились в бесплотные тени Аида, потерявшие последнюю надежду на возвращение в мир света. Над куполом корабля висит чёрный диск, затмивший большую часть светящейся полосы Млечного Пути. Пространственно-координатная сетка мерцает бледной желтизной.

Алекс Кидс, командир Рубежа Безопасности, покрутил головой, разминая заледеневшие мышцы шеи, и негромко проговорил, привычно растягивая паузы между словами:

– Констатирую: Чёрная планета вошла в Систему. Мы ошиблись в расчётах. Вверенные мне люди и форты, – в тылу противника. Мы переживаем стресс первого поражения.

Землянин Кидс не упомянул о первоочерёдной ответственности за случившееся фаэтов. И молчание после его слов сгустило воздух рубки до предастматической плотности. Боевая задача не выполнена, делить вину поздно. Чтобы всем не задохнуться в атмосфере самоосуждения, кому-то нужно стать инициатором реакции разрежения. Люди ожидают слов Генерального советника, но он молчит. И потому негромкий смех Дениса Салтыкова воспринят за знак спасе-

ния. Отсмеявшись, он сказал в своей обычной интонации:

– А я так вообще удивлён тем, что удалось её остановить, Чёрную Немезиду! Войско твоё, Алекс, сохранило как головы, так и оружие. Считаю, здорово повезло.

Эрланг попросил «Барта» нормализовать свет и опустил веки, чтобы не видеть надоевшей жёлтой сетки.

– Головы?! – закипел, выплёскивая раздражение, Кидс, – Мальчишки-то оказались правы, настояв на эшелонированной обороне. Неважно, с чьей подачи, Денис. Мы отступаем. Я – командир Рубежа Безопасности, которого нет. У Сферы Оорта два хозяина – Солнце и Сириус.

Он ткнул пальцем в Салтыкова:

– Боюсь, как бы тебе, коллега, не пришлось оказаться на моём месте.

Изан, бывший член бывшего совета фаэтов, равнодушно произнёс:

– Заменить вас, командир Кидс, не составит труда.

Салтыков скривил рот и поднял вверх обе руки, ладонями вперёд:

– Погодите, погодите. Это не разговор. Алекс, я же помню: ты был прекрасным начальником штаба вооружённых сил мегадержавы. Разве твои стратегические разработки не предусматривали тактических неудач? Выпей виски, дурь и пройдёт.

Кидс крутнул головой, будто в поиске поблизости бара с набором напитков. «Эриксон» изолировал рубку от зелёной

зоны стальным занавесом и энергоперегородкой, оставив маленький люк-лаз для робота-официанта. Робот крутился в тесноте между креслами и ногами, предлагая успокаивающие и тонизирующие коктейли. Виски у него не водилось.

Скрытое противостояние между землянами и фаэтами грозило обнажиться большим нарывом. Генеральный советник решил вмешаться.

– Кидс в чём-то прав, друзья мои. Верно, мы не смогли правильно рассчитать меру воздействия. Деформировать силовые линии в таком объёме пространства – на пределе наших возможностей. Но мы затормозили и остановили планету, не дали ей войти во внутреннюю зону Системы. Справились неплохо, – опыт-то первый. И Рубеж Безопасности не потерян. Переведём форты вовнутрь, развернём линию обороны лицом к Солнцу.

Изан прежним равнодушным тоном обратился к Эрлангу, игнорируя Кидса и Салтыкова:

– Прости, брат, я погорячился. Обстановка усложнилась. В околосолнечном космосе нарушено равновесие. Сфера Оорта дестабилизирована двойным гравитационным возмущением. Кометно-астероидная опасность актуализирована для всех планет. Вторичная угроза может затмить первую.

Первая угроза уже не была недвижимой глыбой спящей материи. Она заглядывала в рубку «Эриксона» чёрным зрачком разбуженного зверя. Глаз Большого Пса наливался кровью ненасытного зла. Зверь готовился к прыжку.

Эскадра Юниверов блокировала Чёрную планету кольцом по линии экватора и двумя группами у полюсов. Оознавательных огней не гасили, поверхность Йуругу, лишённая воды и растительности, контролировалась вся. Мир, преодолевший дорогу в восемь световых лет, выглядел безжизненным.

Анализаторы боевых кораблей суммировали все виды излучений, в том числе поступающие из подповерхностных глубин незваной гостьи.

– Мозг «Барта» занят расчётом новых вариантов, – сказал Эрланг, – Используем паузу. Предлагаю облететь и посмотреть своими глазами.

Предложение Генерального советника, не занимающего никакого места в официальной иерархии земного сообщества, восприняли как распоряжение императора. Леран Кроунин давно понял, что от роли теневого правителя ему не избавиться. И старался как мог снизить силу влияния авторитета Эрланга. Но получалось редко и плохо.

«Барт Эриксон» на переменных скоростях облетел планету, пройдя над экватором и полюсами, ставших условными, номинальными. Но размещение внутренних полостей в планетной коре учитывало давние орбитальные параметры. Поэтому «условное» приходилось считать действительным. Об-

ман и истина сплелись так, что не разделить. Не распознать, не разорвать противоестественную связь...

На всём протяжении пустота. Безмолвие, голая равнина. Обманчивая безжизненность. А под ней, – сонм спящих монстров и бодрствующий мозг, – то ли живой, то ли кибернетический.

«Барт» выбрал участок, ничем не выделяющийся и не отличающийся, – ибо таковых не отыскать, – и завис над ним. – Экскурсия завершена? – утвердительно-вопросительно сказал Салтыков, – Может, военный совет откроем? Председателем попросим «Барта». Чтобы никого не обидеть. А то у нас удельная плотность всяких авторитетов на квадратный километр рубки явно выше нормы.

Повестку «Военного Совета» не ставили. И так понятно: что делать с планетой, ворвавшейся в пределы Солнечной системы? Чёрная сохранила атмосферу, и она обретает нормальные параметры. Объяснение одно: заработал внутренний реактор тепловой энергии. Газовый состав отличается от земного незначительно. Планета оживает, сделал вывод «Барт».

Кидс предложил обрушить на Чёрную все запасы химического и бактериологического оружия, накопленного на Земле. Салтыков, понимая, что подвергать Йуругу участи Фаэтона поздно – миллионы осколков ударят и по Земле, добавил, что начинать надо с нейтрализации жизненно важных факторов, пока ящеры не вылезли из всех нор.

– Химия, – хорошо. Но пока соберём и доставим сюда... Фэты не хотят уничтожать планету. Вопрос этот снят объективно. Но что-то они могут?

– Могут, – согласился Эрланг, – Излучение всех известных нам видов энергии Юниверсами. Лучевой удар.

– Он, этот удар, несравним с воздействием земного термояда, нейтронных и прочих бомб. Силу удара придётся многократно снизить, и он может стать бесполезным. Пощечо-чем им нервишки да разойдёмся. Неужели нет способа, подобного тому, что использовали для торможения и остановки? – спросил Салтыков.

Спросил и подумал: «Как и ожидалось... Так они и не научились воевать. Куча возможностей, а использовать нельзя. А что можно, – того недостаточно для победы».

– Незадолго до земной эры мы приблизились к тайнам искривления пространства. Наши учёные нашли метод свёртывания материи в локальном масштабе. Но они пока не возродились, – с нескрываемым сожалением сказал один из фэтов.

– А время вам тоже неподвластно? – спросил помощник Кидса Блашкун с таким видом, будто никогда не сомневался в недостаточности мощи фэтов.

Ответил Изан:

– Мы способны его нейтрализовать. Как в Шамбале. Умеем также замедлять-ускорять в применении к живому веществу. Но как оружие? Не пробовали.

Салтыков хмыкнул.

– Ну, пока то да сё... Пока братья решат, что у них годится для войны, а что нет... Давайте-ка уберём им атмосферу! Если она регенерируется, то нужна им? Это хоть сможем?

– Я поддерживаю Дениса Сидоровича! – объявил Кидс.

По указанию Эрланга Рубеж безопасности перенацеливали-передислоцировали, и Алекс небезосновательно чувствовал себя заштатным командиром, живым результатом действия идеологии сближения землян и фаэтов. Отсюда понятная рассеянность.

– Не Сидорыч! – командно прорычал Салтыков, – А Исидорович! Будь моя воля, я бы не раздумывал, что можно, а чего нельзя. Раскачал бы их гравитацию и ударил Юниверами по максимуму. Расколется шарик или нет – хрен с ним. Или мы им устраиваем Апокалипсис, или они нам!

Из внутренностей комбинезона он извлёк плоскую бутылку и сделал из горлышка несколько крупных шумных глотков. Немного успокоился Денис тогда, когда «Барт» на правах председателя объявил:

– Принимается к немедленному исполнению первый вариант Дениса Исидоровича Салтыкова. По всем остальным готовлю рекомендации для их вывода в степень полной готовности.

Эскадра сохранила избранный боевой порядок. Несколько скоординированных импульсов-аккордов, и планета задымилась. Компоненты атмосферы оседали на почерневшую кору хлопьями серой сажи. Та же реакция, проникнув через малейшие щели, происходила в бесчисленных проходах и пещерах. За считанные часы планета лишилась не только атмосферы, но и всех газов, пребывавших в свободном состоянии в глубинах её коры.

– Вот так просто? – изумился Алекс Кидс, следуя взглядом за контрольным световым пятном; «Барт Эриксон» проводил выборочное тестирование выполненной работы, – И такое можно проделать с любой планетой? Венерой или...

– Можно, – успокоил его один из фаэтов, – Времени понадобится чуть побольше, но можно.

– Стоп! – прервал начавшуюся беседу Эрланг, – «Барт»! Прошу максимальной видимости там, где обнаружены скопления нор!

Действия «Эриксона» продублировали остальные корабли, перебросив энергию излучателей в оптический диапазон.

«Похоже, мы добились обратного результата, – сказал себе Салтыков, – Эйфории в этой войне не предвидится...»

– Вот тебе и жизненно важный фактор, – прошептал он, не отрывая глаз от демонстрационного экрана.

По мере коррекции картинка менялась. Вначале: десятки и сотни чёрных точек, высыпавших из невидимых нор под лучи прожекторов. Потом точки, по мере приближения, превращались в маленьких медленно шевелящихся жучков. Жучки становились жуками, а те, – в невиданных зрителями космического спектакля чудищ, отсвечивающих отвратительным серым блеском.

– Ну ладно, без воздуха ещё туда-сюда, – спросил кто-то из землян, – Но как абсолютный нуль? Внутри им наверняка теплее.

«Барт» дал предельное увеличение и сфокусировал изображение на одном из монстров. Эрланг в волнении поднялся, подошёл к экрану и дотронулся пальцем до головы чудовища.

– Как они изменились! Психоразведка провалилась. Нам подсовывали старые, древние снимки. Мы видели то, что ожидали видеть...

– Каково! – лицо Салтыкова побледнело, нос покраснел, – Их контрразведка достойна орденов и медалей. Такого противника нельзя не уважать и не ценить.

– Твою дивизию! – в сердцах воскликнул Генеральный советник, чем привёл Салтыкова в состояние полного ошеломления: рот раскрыт, глаза навыкат, – словно он услышал из уст лидера фаэтов невероятнейшую чепуху. Благообретённое армейское самообладание достаточно быстро вернуло ему способность говорить. И он сказал, чётко и внятно:

– Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы...

Чем поверг окружающих примерно в то состояние, в котором сам только что находился.

– Где ты видишь шерсть, Денис? Они же гладкие, как бильярдные шарики, – среагировал Кидс.

– Наш земной главком любит цитаты, – скрыв недоумение, пояснил Эрланг, – Откуда эта?

– Из сочинения моего семейно-родового предка, – в полном спокойствии ответил Салтыков, – «История одного города» называется. Это он по поводу всеобщего одичания.

– Надеюсь, родовая мудрость относится к тем, что внизу?

– Если б только к ним! Разговор не о внешности... Значит, твою дивизию? Будем считать, и мою... – Денис остановил на Эрланге странный, со скрытым значением взгляд, – Константирую начало межмировой войны, господа военачальники. Как говорится, чего хотели, то и получили.

* * *

«Барт» показывал искусство графики, демонстрируя внешность гостя с Сириуса в разных проекциях. Проекции заявляли: люди о своём противнике не знают ничего. Ящеры были совершенно не похожи на тех, которые населяли Йуругу миллионы лет назад. Впервые все фаэты в присутствии землян проявили видимую глазом растерянность.

– Придётся пересмотреть все наши подходы, – заключил Эрланг, – Будем думать. Момент для осуществления кардинального варианта Дениса Исидоровича упущен. Мы рискуем получить ответный удар неведомой силы.

* * *

Считавшееся истиной обернулось обманом. Неизвестное обретало черты факта. Леран думал о том, как был прав Денис: стратегия фаэтов, как и то, что исходит из неё; и то, из чего исходит она, – всё требует перемены. Комитет Пятнадцати далеко... Придётся решать здесь и сейчас. Направление главного удара пролегает тут. Пока тут...

...Достоверно известное укладывается в несколько фраз...

Не было и нет искусства, литературы... Вообще ничего такого. Знания исключительно специализированные, качества – лишь необходимые в быту. Да, – воля, бесстрашие, беспощадность. И всё такое...

Социальная организация простейшая: ячейки, отряды, объединения отрядов. По принципу пирамиды. Военская организация. Кто занимает вершину, неизвестно.

Имён нет. Есть номера, кодирующие место в иерархии. И выражающие значение личности в боевом порядке. В принципе, личности как таковой нет. Есть разумная боевая единица.

Цемент социума – бездумно-абсолютное подчинение снизу доверху. Видимо, жизнь организована по некоему уставу, охватывающему все мелочи бытия...

– Каково число этих тараканов? – прервал размышления Эрланга Салтыков.

– Ориентировочно сотня миллиардов. Без учёта мантии. Если подкорковый слой остыл, они и там дома.

– Минимум сто миллиардов! А нас? Без учёта наркоманов, идиотов, голубых-красных, дураков?

Изан заговорил без обычного превосходства, скрыв его вуалью равнодушия:

– Боеспособных землян десятков-другой миллионов. Число фаэтов приближается к двум миллионам. С учётом действующих Аквалотов. Операцию «Туман» придётся стимулировать.

Денис Исидорович потёр и без того багровый нос.

– Это ж сколько придётся на каждого! Как у них с механикой? Военная техника, оружие?

– Раньше имелись межпланетные корабли, ответил Изан. – Прогресс, не исключено, шёл и по этому пути. Но, думаю, они все функции, осуществляемые техникой, вобрали в себя.

– Получается, они бессмертны. Друг с другом не борются, сообщество строго функциональное... Такие цивилизации гибнут только от внешней причины, так? – голос принадлежал «Барту».

Леран вздрогнул. Вдруг показалось, что он в родном доме, в Нью-Прайсе. Мария с Ирвином живы, Барт ходит с ним на катере за рыбой. Леда ждёт их на берегу... Все живы. Все счастливы... Нет Агасфера, нет Шамбалы, нет Сириуса...

«Что за жизнь, твою дивизию!»

Салтыков в раздумье, старательно подбирая слова, сказал: – Совсем недавно нам стало известно – звероящеры Земли погибли не одноактно. Но технология операции неизвестна.

– Вам многое неизвестно. Как и нам, – сказал Изан, – Галактический год длится около двухсот миллионов лет. Цикл, который нами не учитывается. Нам по этому счёту часы, а землянам – минуты. А нашим гостям – около годика! Мы ещё в пелёнках, а они своими ножками пошли. Разница?

– Разница! А Геракл задушил змею руками в колыбели, между прочим, – отреагировал Алекс Кидс, – Вот вы, уничтожая динозавров, не стали сбрасывать на Землю астероид. Чтобы разом... В таком случае откуда в тот период получился такой всплеск концентрации иридия?

– Искусственно наведённая радиация. Так мы изменили химический состав биосферы. Всего несколько параметров в нужную сторону. А далее всё пошло само. Климат и прочее...

– Мудро! – похвалил Салтыков, – Минимум усилий – и нужная цель достигнута. Ведь у фаэтов впереди – почти вечность. Вспомнить бесполезно – я вот пытаюсь предста-

вить, как нас будут выкуривать из земной биосферы жучки Сириуса. Жучки размерчиком со средний электровозик.

«Эриксон» совершил манёвр вдоль линии экватора и переместился в точку, из которой Чёрная планета виделась малым кружком. Случайно или по расчёту «Барта», Йуругу спроектировалась на созвездие Большого Пса. Звёзды пылали холодно, не мигая, прицельно.

И снова Лерану не Пёс виделся в контуре, соединившем знакомые звёзды земного востока. Станный и страшный Зверь навис над «Эриксоном», над Системой, над Землёй...

А Чёрная планета, – живой зрачок дикого глаза, нацеленного из невообразимо далёких глубин. Не из окрестностей тройной звезды, знакомой с детства. Когда-то она была родной...

Леран вернулся в состояние Эрланга. Только так можно разобраться в наплыве смутных догадок, в том, что кипит за порогом интуиции, готовое в любой миг пролиться в сознание. И внезапный свет упадёт на восток, и покажет, где голова и туловище галактического Зверя. Ведь у Сириуса не осталось обитаемых миров. А внутренний взгляд Эрланга видит: тянется за Йуругу ниточка, пропадающая в бесконечности.

* * *

ЗЕМЛЯ.

ШАМБАЛА. ДОЛИНА ДРАКОНОВ

Планета людей погрузалась в глубокий хаос.

Суперэскадра фаэтов пропустила Чёрную планету к границам Солнечной системы. Паника захлестнула последние устойчивые островки цивилизации землян. Пандемия страха лишила здравомыслия и воли к жизни самых жизнеустойчивых...

На камнях у водопада сидели два человека, бывшие непримиримыми врагами. Начальник правительственной охраны Эрнест Мартин и шеф полиции Агасфер. Одежда обоих привычная, узнаваемая: чёрный плащ до пят с откинутым капюшоном и четырёхцветный спецназовский комбинезон.

Лицо человека в плаще, смуглое и красивое, освещалось мрачно гордым огнём. Пламя, жгущее сердце и душу, лилось сквозь глаза. Чернокожий человек в комбинезоне не претендовал на изящество, не претендовал на превосходство. А глаза его говорили о спокойствии души и сердца. Различались они как два полюса; и как два полюса, были едины.

– Ты понимаешь, что взялся за безнадёжное? – спросил Мартин, – Навести порядок на Земле – утопия!

Нервная улыбка скривила губы Агасфера.

– Никто из людей не способен спасти мир. Но работу свою делать надо. Ведь что владеет человеком за пределами Шамбалы? Четыре страсти: поесть, поспать, переспать с кем попало, и – страх перед смертью. Кто почище – думает о каре, идущей с небес. Страх превратил людей в животных. Я обя-

зан ими заняться, потому что сам изнутри такой.

Эрнест Мартин качнул крупной головой, пожевал губами по-лошадиному. Он не возражал собеседнику.

– Принесло на нашу голову сверхлюдей. Фаэты...

– На нашу голову? – Агасфер улыбнулся, легко и просто. – Да семьдесят миллионов лет назад нашими головами на Земле и не пахло.

– Может, и так. Одно мне ясно: без Фаэтона не было бы и нашествия Чёрной планеты.

– В тебе, Эрнест, говорят чувства, а не рассудок. Этим ящерам всё равно деваться некуда, – все три звезды Сириуса отказались от жизни рядом. А ближе Солнца подходящего светила нет. Неизбежность, предрешённая ещё до рождения Вселенной. При чём фаэты?

– Выходит, это мы, люди Земли, накопили столько грехов? И никакая вода нас не отмочит?

Он смотрел на непрерывное рождение радуги в струях водопада, бьющегося об скользкие камни. Горный поток, берущий начало с дальних вершин... Из долины был виден только их зубчатый гребень. А за ним – Цитадель, ухоженная, разлинеенная. Здесь, в долине, трава растёт сама по себе, деревья стоят, не зная геометрии, воздух прозрачен и дик... В Долине Драконов пристало жить человеку, будь он землянин или фаэт. А не в продистиллированном лотосовом рае...

Вечный странник видел отражение дальних гор в чёрных глазах Мартина. Самому смотреть за горизонт не хоте-

лось, – там жило его прошлое, невообразимо тяжёлое, гнетущее кошмарами бессонных ночей. Он оборвал прежнюю зависимость от Цитадели, но старость не приходила. Он не был ни фаэтом, ни землянином. Но всё же он был человеком, слабым и гордым существом. Слабость тянула к земле, гордость не позволяла забыть прежнюю зависимость от тех, кто вознёс себя к подножию чужого трона.

Гордость сказала:

– Однажды величие погубило их. И вот, замыкается второй круг.

Мартин взгляделся в глаза Агасфера: в них плясали огоньки безумия.

– Ты их не любишь. Не можешь простить... Так они обречены?

– Сердце говорит мне, – странно, что оно не окаменело, – что Чёрная пришла за душами золотоглазых. Даже им не дозволено повторять одну и ту же ошибку.

– Но ты сам сказал: предопределение. Срок бытия не увеличить, не сократить... А я думаю, надежда на помилование есть. Если только Земля не зона крайне строгого режима.

Агасфер вздохнул:

– Мы слишком разные, чтобы найти согласие. Обратимся к тому, ради чего мы здесь. Зверь наладил прямую связь с информатором по кличке Аполлион. Ящеры изучают психику человека. Понимаешь, что нас ждёт?

– Шантаж, похищение, вербовка... Что там ещё?

– Всё! Весь арсенал человеческого зла поступит на службу злу внеземному, внечеловеческому.

– «Нео-Силлабус»?

– Да. Крепнет подпёсок! Их цель – накануне Вторжения захватить Цитадель. В «Нео-Силлабусе» грядёт ротация. Иван Марьин, объявленный «Славянским Ангелом», уверенно тянется к головам иезуита и мормона. Москва вновь претендует на звание последнего Рима.

Мартин обратил взгляд на водопад. Вид падающей воды успокаивал и освежал сознание. Вода и есть планета Земля. Вода жила до человека, будет жить после.

– Рим на час... Недолго мельнице крутиться, пусть побалуются. Зачем я тебе?

– Ты начальник охраны... За твоей спиной – элита.

– Элита? Да мне бы с прикрытием Комитета Пятнадцати справиться!

– И Эрланг. Да?

– Да. Леран Кронин. Первый удар они нанесут по нему. Думаю, сам он недосыгаем. А вот ближнее окружение... Ведь Леран никогда и никого из нас не попросит о помощи.

– Бессмертный.., – скривил губы Агасфер, – Бессмертные и ближний круг... Несовместимо! Разве они способны на любовь?

– Я ещё более далёк от фэтов, чем ты... Но я знаю Лерана. Он – другой. Он достоин любви. Любви и помощи. Он не мумия, как некоторые, он живой. Знаешь, как представ-

ляется при знакомстве? Он говорит: «Кронин. Младший». И глаза при этом такие, что я вижу Нью-Прайс до расстрельной ночи. Разве ты забыл?

Агасфер помрачнел. Как судить другого, если сам осуждён?

– Ближнее окружение, – это его подруга, сестра юности?

– Тебе это известно не хуже меня.

– Но, Мартин, Кронин-младший – Эрланг. Вождь Фаэтона, носитель императорской короны. Леран Кронин меня простил. Для Кронина я – человек. Для Эрланга я – всего лишь маленький землянин, могущий принести какую-то пользу.

– Как бы то ни было, мы в одной упряжке. Против нас всех выступил один враг, один Зверь.

– Ты прав, Мартин, мы связаны накрепко. Но Зверь тот сидит в нас! Он – внутри и меня и тебя. И внутри Эрланга. А в небе – лишь отражение нашего родного Зверя, его символ...

Эрнест Мартин не видел Зверя внутри себя. Ещё меньше, считал он, места для Зверя в душах Лии, Леды, Лерана... В душах молодых из Комитета Пятнадцати... Разве не поэтому они вместе? Конечно, они не святые, и святыми им не стать. Но покопаться в себе, соскоблить ржавчину, накипь жизни, – это потом. А рефлексия Агасфера – его личное дело, он заслужил. Пусть сам платит по своим счетам. А не пытается пристегнуть других.

– Мы здесь не затем, чтобы вести душеспасительные... И не мне перед тобой трясти душу. И не тебе быть моим духовником, – Мартин постучал кулаком о ладонь, сдерживая неприязнь, готовую вырваться через слова, – Говори, зачем пригласил.

Агасфер будто и не заметил оскорбления. Только напрягся и спрятал пламя, рвущееся из глаз, внутрь.

– Прежде, – к вопросу об Аполлионе. На Йуругу блокировали психокопию фаэта. Взяли в плен, по-нашему. Что приравнивается к гибели разведчика. Первая потеря...

– Печально. Но какая война без потерь. И при чём Аполлион?

– Дело в том, что не зная досконально психику фаэта, проделать такое невозможно. Психокопия выскользнет из любого захвата. Они воспользовались знанием, полученным непосредственно от фаэта.

До Мартина наконец дошло. Он повернулся лицом к Агасферу, забыв о разногласиях и неприятии.

– Слушай внимательно, Эрнест. Тебе действовать. Мало того, что предатель – фаэт. Анализ психозахвата приводит к страшному выводу – ящерам помогает кто-то более могучий чем они сами. И, думаю, некто сильнее фаэтов. Вещь немыслимая, моим словам не поверят. Ты близок к Эрлангу, ты можешь убедить. Если поверишь мне. Как я узнал – не спрашивай...

– День сюрпризов, – вслух подумал Эрнест Мартин, и

спросил, – Что-то ещё есть? В чём ещё мне придётся убеждать руководство?

Агасфер улыбнулся. На этот раз раскованно, без внутреннего напряжения.

– Однокрасочных, однозначных людей нет. Как часто мы торопимся с осуждением или похвалами. И столь же часто ошибаемся... Третий мой вопрос касается Кронина-Эрланга. Его ближнего окружения.

Мартин был заинтригован. Только что он обвинил Агасфера в предвзятости к Лерану. А оказывается, странник пришёл на встречу с готовым предложением.

– Приход Чёрной планеты многое переменял. Страшен и неведом, там Крылатый Кто-то озарён огнём...

Увидев непонимание в глазах Мартина, Агасфер пояснил:

– Следствие моего интереса к «Славянскому Ангелу». Из стиха Валерия Брюсова «Видение крыльев».

– Какие такие крылья? – снова не понял Мартин.

– Будут ещё крылья. Увидим. Аполлион – слуга Крылатого. Атака на Эрланга начнётся с нападения на Леду. Так пусть они сделают то, что хотят.

– Что!? – Эрнест напряжился.

– Они похитят её. Будут уверены в этом. Нужен клон, копия Леды. Теперь ты понимаешь? Идея моя, но исполнить её я не в силах.

«С кем же я спорю? Считал врагом-перевёртышем, а он... Он с самого начала был на моей стороне. Как трудно быть

круглым чёрным идиотом», – подумал Мартин и попросил:

– Клон, копия... Можно подробнее?

– Фээты сделают копию Леды. Псевдо-Леду. Куклу, неотличимую от неё. Внешность, речь, мысли... Да, и мысли, модель психики обязательна. Остаётся спрятать Леду настоящую, а Леду-копию подсунуть этим... Решим разом две задачи.

* * *

КОЛЬЦО САТУРНА. F-ЗОНА

Один из Аквалотов в Заливе Счастья, епархия Арсения Кусика...

Трое из вновь рождённых вспомнили свои имена сразу после обряда Посвящения. Всего месяц ускоренной адаптации, – и к ним вернулась память прошлого существования. Но месяц – слишком короткий срок для начала жизни после второго рождения.

* * *

Свет Сатурна дробился в бесчисленности граней камней и кристаллов. Зеркальное крошево деформировало зрение, кружило голову.

Координаты излучателя, вызвавшего гибель Фээтона, ли-

бо были определены неточно, либо за миллионы лет сменились. Амин, Уйка, Атис, – ведущие пространственники Фаэтона-Манде. Седьмой день их Юнивер блуждает над кольцом, – и ничего.

Ни одна гипотеза не вела к реальному результату. Вакуум-скафандры приросли к коже. Мрачнейший Сатурн пожирал минуты и часы с растущим аппетитом. Чуждый фаэтам мир Системы, предвоенный мир работы-борьбы на пределе сил, заслонял поднимающиеся из глубины памяти воспоминания. Столкновение времён порождало неприятные ассоциации, похожие на кошмарные миражи.

– Помните последний разговор с Эрлангом? – спросил Амин.

– Да. Но я не помню Эрланга по Фаэтону, – угрюмо ответил Атис, – Всё помню, а его нет. Знаю, что память к нам возвращается не разом и не вся. Но у меня что-то не так...

– Ты опять о себе, – сказал Амин, регулируя светопрозрачность шлема: Сатурн смотрел особенно ярко, – Помнишь или нет... В земном мире Эрланг, называющий себя Лераном Крониным, тоже вождь и предводитель. И он нам поставил задачи. Всего-то: расшифровать Икс-Установку и создать на её основе оружие. Воссоздать Излучатель. А мы её отыскать не можем! А ведь были первыми на Фаэтоне! Чувствую: пока найдём исходные точки, созвездники с Йуругу оккупируют Землю. Придётся нам поселиться на этих кольцах. И не снимем скафандры до смерти.

– Вязко думаешь и длинно говоришь, Амин, – вступил в разговор Уйка, – Вязко потому, что путаешь в будущем Андумбулу с земными людьми. Звёздного нашествия не нам бояться. А длинно... Я просил сюда одного из Драконов. Ты старший в группе, Амин.

– Да. Мне известно, что драконы чувствительны к артефактам. Но Комитет Пятнадцати запретил им удаляться за пояс астероидов. Комитет дорожит ими...

– А нами он не дорожит? – в голосе Атиса сквозило раздражение. – Амин?

Амин же в который раз воспроизводил в памяти проведённые у Сатурна годы.

И убеждался: Эрланг прав, фаэты в капкане. В одиночку не выбраться. Нет времени для полноценного развития заново рождённых. Сокращение срока адаптации приводит к психической дестабилизации. Не все способны выдержать... Атис на грани срыва. Да и он с Уйкой... Работа спасает. Успешная работа. А её нет. Тут ещё навязанный Эрлангом симбиоз с землянами... Ошиблись братья, когда предпочли драконам людей!

Возрождаются древние легенды народа Андумбулу. Легенды Номмо... Многие верят: погибнув в битве с Йуругу, попадём в рай. Но ведь рай создан из того же вещества, той же материи. Тоже не вечен. Миллионы лет летят как секунды... Нет вечности, – и нет смысла бытия.

А ещё пугающие, странные сны... Один преследует его

четвёртые сутки. Будто нашёл он Икс-Установку. Излучатель. И разгадал её. А когда узнал, – во сне, – что её строили фаэты... Нет веры ни снам, ни яви...

Глава пятая. Лунный лотос

ЛУНА.

ЦИРК ПТОЛЕМЕЙ

Белый щерблённый диск вырос в полнеба и светил так яростно, что ощутимо тормозил движение. Так, во всяком случае, казалось Салтыкову.

– Мы укладываемся в график? Километры в норме? – спросил он, боясь услышать подтверждение своей неестественной догадке.

Кларк Саймон, ведущий лунолог Системы, ответил, посмотрев на главкома понимающе и сочувственно:

– Всё в норме, шеф. Триста пятьдесят тысяч километров по корабельному спидометру. Как и должно быть в данную секунду.

– Так... Тогда с Богом. Готовимся к высадке.

Члены экспедиции оживились, продолжая начатый на земле спор о преимуществах тёмной и светлой сторон земного спутника. Будущий начальник лунной базы Блашкун сформулировал кратко общий вопрос:

– Какая высадка? Место ведь не определено!

– Сейчас и определим, – успокоил его Салтыков, – Методом тыка. Для изысканий и дня нет. Вот это, к примеру, – он ткнул пальцем в центр диска, – Три кратера, рядышком. А?

Руководящий палец нацелился на тёмные круги, располо-

женные на границе светлого участка. Правая треть луной поверхности выглядела почти чёрной.

Саймон счёл необходимым пояснить:

– Три катера? Верхний, самый малый, – Арзахель. В центре, под ним, – Альфонс. Самый большой, внизу, – Птолемей. Но почему именно тут? И где конкретно?

– Так... А разве не тут гнездится магнитная аномалия?

Вопрос главкома поверг учёную половину экспедиции в изумление: никто не ожидал от него такой осведомлённости.

– А ещё, вспоминаю, – весело добавил Денис Исидорович, – Маленький Альфонс в двадцатом веке радовал человечество фонтанами. Вместо воды – светящийся газ. Правильно?

Томислав, ракетчик лунного гарнизона, воодушевился:

– Отлично! Ядро внешней обороны, штаб и центр связи... Всё поместится.

Кларк Саймон, обменявшись взглядами с коллегами, заявил:

– Место удачное, Денис Исидорович. Восточная окраина материка. Почти на побережье. Немного севернее линии экватора... Да, приемлемо.

Салтыков потёр нос кулаком, хмыкнул.

– Фонтаны Альфонса оставляю вам, господа. Мне сюрпризы не ко времени. Садимся на юге, у Птолемея. После нашей посадки второй Юнивер осмотрит окрестности. На автопилоте.

Он очертил пальцем кружок на лунном диске и добавил, вне видимой связи с последними словами:

– Между прочим... Кто мне объяснит, откуда там магнетизм. Да ещё и пиковый? Луна-то не имеет магнитного поля. Пора вооружить военные кадры знаниями. Хотя в пределах начальной школы. Авось пригодится.

– Если военные кадры осведомлены о предмете так же, как главком, то я не знаю, – пробурчал Саймон, – Но как скажете. И на Земле кшатрии всегда командовали брахманами.

– Попрошу не травить личный состав опиумом брахманизма, – нарочито строго заметил Салтыков. И, не выдержав, широко улыбнулся, – Фазтов на борту нет, не будем стесняться ограниченной необразованности.

Празднично-парадное настроение главкома передалось всем. Люди расслабленно заулыбались, и Кларк Саймон заговорил тоном школьного учителя:

– О Луне я могу рассказывать сутками. Всю жизнь мечтал прилететь сюда. Но что сейчас важнее всего? Странный магнетизм, – он может как помочь, так и помешать. Плюс особенности коры... Будем бурить шахты, прятаться внутрь. Обе проблемы не изучены ни нами, ни фаэтами. Луна, – планета загадок!

– Планета? – с иронией спросил «военный кадр» Блашкун, – А разве не спутник? Или я путаюсь?

– Луна и Земля – двойная планета. Чего я не знаю, – когда Луна присоединилась к Земле. Последние три миллиар-

да лет Луна не меняется. Какой была, такая и осталась. Посмотрите...

Нестареющая планета-спутник выросла до размеров Земли. Желтовато-серебряный свет её по-прежнему давил на Салтыкова, отталкивая совершенно ощутимо. «То ли я её не люблю, то ли она меня не воспринимает как друга-товарища. Не будет дружбы, видимо. Не судьба. Ничего, денёк-другой осмотрюсь и домой».

– Те же моря и горные плато-материки, усеянные теми же кратерами. Они так же точно смотрели на Землю, ещё не имевшую биосферы, – продолжал Саймон.

– Не исключено, будут смотреть на Землю, уже не имеющую биосферы, – мрачно заметил Томислав, и тут же извинился, – Простите, Кларк, эмоции. Откуда всё-таки она взялась?

– Одни считают, что отделилась от Земли в начале геологических времён. Другие – пролетала мимо и попала в земной плен. Я – сторонник нетрадиционной точки зрения. Убеждён, – Луна «выплыла» три миллиарда лет назад из иного пространства. И продолжает сохранять с ним связь. Образовался этакий пространственный «карман».

– Кларк, да вы поэт! – воскликнул ядерщик Гусев, – И у вас есть доказательства?

– Косвенные данные, как говорят в полиции. Но ведь бывает, что и косвенных доказательств достаточно для вынесения обвинительного приговора? Раз, – магнитное поле Лу-

ны не собственное, а наведённое. Два, – напряжённость его распределена неравномерно. В районе Птолемея, как точно указал наш главком – пиковая.

– «Точно указал»! – повторил его интонацию Салтыков, – Нашли авторитета! И пошутить нельзя, – он сделал вид, что обиделся.

– Можно. Можно, Денис Исидорович, – серьёзно сказал Саймон, – Лет пять назад я проделал компьютерную реконструкцию... Загрузил все данные о Луне, включая Веды. Программу мне оригинальную сочинили. Результат получился фантастический. Не удалось опубликовать ни в одном сколько-нибудь солидном научном издании.

– Неужто и о старушке Луне можно иметь сенсацию? Таковую, чтобы и учёный мир не поверил? – спросил биолог Гаман.

– Можно. Ещё как можно. Что у меня получилось? На месте ядра ночная красавица имеет пустой железный шар диаметром двести пятьдесят километров. Что было или есть в той пустоте? Шарик бесспорно не природный.

Гаман покачал головой.

– Очень жаль, что я так поздно узнаю... А что вы взяли из Вед?

– Скажете, снова фантастика... Древние индусы верили, что Луна – живая планета. Как Земля. Только формы жизни разные. Иное пространство – иная энергетика...

– Светящиеся объекты, замеченные первыми астронавта-

ми? – заинтересованно спросил Томислав.

Гаман, посчитав вопрос риторическим, сделал попытку охватить проблему целиком.

– А всё-таки в Комитете Пятнадцати сидят мудрые ребята! До этой минуты я недоумевал: зачем нужен биолог в лунной экспедиции. Ведь что я знаю о Луне? Только то, что без её ночного освещения овощи плохо растут. Простите, Кларк, что вам ещё открыло компьютерное моделирование?

– Возраст Луны сравним с солнечным. Она родилась много раньше всех прочих планет. Фаэтон, тот вообще Луне не конкурент.

– Стоп, мужики! – вмешался Салтыков, – Под нами Птолемея. Садимся. Держите ушки на макушке. Вначале посмотримся...

Второй Юнивер по крутой дуге ушёл на запад, на территорию материка. Над головами плыла Земля, оконтуренная сияющей аурой жизни. Ноги по щиколотку зарылись в мёртвую лунную пыль. В стороне от их корабля, застывшего чужеродным полушаром на короткой треноге, отбрасывала чёрную длинную тень невысокая гора. Центр цирка... Кольцевой вал кратера прятался за близкой линией горизонта. Чёрно-серая пустота...

– Прошу вас, осторожней, – неожиданно громко прозвучал в шлемах голос геолога Лютоева. – Реголит может маскировать глубокие ямы и трещины.

Салтыков сделал шаг, взметнув лёгкое облачко. Шаг про-

длился на два метра, и пришлось сделать усилие, чтобы сохранить равновесие.

– Забыл о силе тяжести, – виновато сказал он, – Наука всем. Передаю инициативу в руки Кларку, я на рекогносцировке не начальник.

Никто не смотрел в небо: видеть Землю вот так, то ли снизу, то ли сверху из далёкого далека было жутковато. По предложению Саймона участники десанта прошли к центральному возвышению кратера. За спинами протянулись цепочки следов, готовые в неприкосновенности дожидаться конца Вселенной.

Строитель Баир Ракшаев, мысленно привязывая к ландшафту ожидающие на околоземной орбите конструкции, спросил:

– А вы действительно думаете, что монстры Сириуса доберутся сюда? Ведь космических кораблей у них нет.

Салтыков раздражённо хмыкнул; настроение у него упало, захотелось домой. А дом отсюда казался дальше, чем от Сферы Оорта.

– А думать нам не положено, дорогой конструктор. Нам положено выполнить приказ. Вот так... А приказ Комитета Пятнадцати звучит чётко: соорудить на Луне форпост. Военную базу! Если серьёзно, я думаю так: жукоящерам космические корабли не нужны. Они сами межзвёздные крейсера многократного использования. А вместо мозгов у них боеголовки. Вот закрепимся на здешнем базальте, и приго-

товимся отхлестать ядерным бичом их вонючие задницы!

Лютоев рассмеялся:

– У вас и сленг, господин Главком!

Салтыков резко повернулся кругом.

– Стоп! Кто это сказал? Ты, рядовой Ездикян? Напомню, твоё единственное патриотическое дело – сообразить, куда и как поставить ядерный реактор! И прошу зарубить на своём макроносу: я не господин! А товарищ! Товарищ планетарный Главком. Так записано в штатном расписании Комитета Пятнадцати и Департамента Оборона. А штатное расписание – документ руководящий.

– Кем руководящий? – растерянно спросил Ездикян, попытавшись рукой в перчатке то ли сделать зарубку, то ли проверить макровость носа.

Главком смущённо улыбнулся.

– Мной руководящий. А я – обороной. Включая лунную базу. Мы – на войне, выбраться из которой будет непросто. А что касается сленга... По-моему, многоцветность превышает однокрасочности.

Он повертел головой, пытаясь увидеть за отсветами шлемов, правильно ли его поняли. И сказал, уже без руководящего напора:

– Гуляйте, осматривайтесь. Я – в аппарат. Со мной Блашкун и Саймон...

Юнивер-разведчик успел сделать контрольный облёт экватора и теперь обследовал горы к западу от Птолемея. Изображение транслировалось на следящий экран в масштабе реального времени. Ничего, кроме хаоса светотеней... После короткой лекции Саймона ожидавший чего-то необычайно го Салтыков смотрел разочарованно.

– Да что тут может быть, кроме миллиардолетней пыли! – недовольно заметил Блашкун.

– Разведка, друг мой, есть обязательный элемент рекогносцировки, – нейтральным тоном сказал Салтыков.

Где-то в недрах его подсознания копошился червь сомнения. Сомнение в верности осуществляемого замысла... Комитету Пятнадцати, конечно, виднее, но и гении, – люди.

Перемещение линии терминатора отмечалось не зрением, а рассудком. Как движение часовой стрелки... Поэтому все трое не сразу поняли, что разведчик остановил движение.

Округлая котловина с ровной, как после прохождения грейдера, поверхностью... Резкий скачок увеличения и, – общий вздох. На покрытом тонким слоем реголита базальте, – пять знакомых всему человечеству конструкций...

– Два советских «Лунохода» и американские «Роверы», – первым опомнился Саймон, – Кто их собрал в одну кучу?!

Разведчик показал каждый аппарат поочерёдно. Солнеч-

ные батареи откинута. Отражатели, ходовая, – всё в исправности. Будто все пятеро только что съехали с лунных модулей земных кораблей. И, – мало того, – рубчатые следы колёс! Следы расходились веером в разные стороны, утверждая: они прибыли сюда своим ходом. И ещё, – странное свечение у антенн!

– Началось! – хрипло прошептал Салтыков.

Смысла его замечания никто не понял. Блашкун, воспитанный годами армейской службы, сказал:

– Надо докладывать Земле, командир. Кто-то побывал тут. Незадолго до нас.

– Ну и что? – с философским спокойствием отреагировал Саймон, – Все луноходы давно в частной собственности. Как и почти треть лунного диска. Почему бы их хозяевам...

– Их хозяевам, если они живы, не до собственности на Луне. На Земле общегражданская война на самоистребление. И все ракеты оприходованы нами. А здесь...

Салтыков не договорил. Совсем рядом с луноходами проявились светлые мерцающие облачка, чуть растянутые по вертикали. Сквозь их невесомую ткань проглядывали детали рельефа, слегка окрашенные голубизной. Ошарашенные видением, люди не сразу отреагировали на вызов десанта. Взволнованный Тревер, заместитель Блашкуна, повторял в эфире:

– Денис Исидорович, почему не отвечаете? У нас такое! Полушар Юнивера обрёл прозрачность, в горле Салтыко-

ва захрипело. Он натужно прокашлялся и сипло произнёс:

– Есть-таки шестое чувство! Всё, друг мой Блашкун. Считай, что как командир лунной базы ты не состоялся. Не будет ордена за оборону Луны. И памятника в море Дождей не поставят.

– Ничего, – тоже просипел Блашкун, – По медальке мы уже заслужили.

– Надо же, какой сюрприз преподносит нам габбро! – Денис потёр глаза пальцами.

– Кто преподносит? – не понял Блашкун.

– Габбро – переплавленный лунный базальт. Из него и растёт эта штука, – пояснил Кларк Саймон.

У подножия центральной выскочки, на которую взобрались все десантники, росло и расцветало невероятное растение. Толстый зелёный стебель поддерживал на десятиметровой высоте розовый цветок, напоминающий кувшин с вытянутым горлом. Тёмная остроконечная зелень венчика, на серой массе реголита – светлый изумруд зубчатых листьев...

– Розовый лотос! – ахнул Саймон.

– Лунный лотос! – уточнил Гаман, рассматривая цветок с высоты центральной горы Птолемея.

– Та-ак. И что же это может значить? – спросил Салтыков.

Самообладание, а за ним и русско-армейский юмор покинули его.

– Увеличенное подобие цветов, росших в Древнем Египте, – решил разъяснить Гаман, – Геродот называл такой лотос

тос «розовой лилией Нила».

Расцветший на реголите в десятке метров от центра цирка Птолемей гигантский розовый лотос вдруг качнулся, как от порыва ветра. Пустое пространство кратера тут же переменялось: на месте пыли возникла спокойно текущая среди зелёных деревьев река... А меж деревьев – существа, похожие на людей, облачённые в лёгкие цветные платья...

Цветной мираж сохранял прозрачность, позволяя, как и розовый лотос, видеть сквозь себя лунную пустыню.

– Фата моргана, твою...! Нет воды, нет воздуха, а фата моргана есть! – Салтыков ещё раз протёр глаза. Мираж остался на месте, он перевёл взгляд на гору. Кто-то из десанта, похоже, Ракшаев, указывал рукой в небо. Остальные стояли неподвижно. Денис Исидорович, следуя жесту Баира, поднял голову.

Диска Земли не было. Денис потряс головой, потёр глаза. Когда вернул взгляд к небу, – Земля висела на обычном месте...

Юнивер качнуло. Салтыков ударил себя по щекам и выкрикнул:

– Взлёт! Десант на борт!

Ещё качнуло, аппарат поднялся. Шлейф реголитовой пыли отметил движение к центру цирка.

– Лунотрясение! – шептал Кларк Саймон, – Первое за три миллиарда лет лунотрясение!

Как только экспедиция разместилась в отсеке управления,

Салтыков объявил:

– Эвакуация! Лунная миссия окончена.

Люди восприняли решение главкома без воодушевления, но и без сопротивления. Только Саймон, обратив взгляд вниз, к уходящему в прошлое Птолемею, шептал:

– Лотос... Река, деревья, люди... Мираж? Какой такой мираж?

* * *

ЗЕМЛЯ.

ВЕРШИНА КИЛИМАНДЖАРО.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «КОСМОС»

Земля готовилась к отражению агрессии. Плана превентивного удара по Йуругу выработать не удавалось. Комитет Пятнадцати не позволял перейти критический порог риска.

Алекс Кидс заканчивал переориентировку фортов Сферы Оорта. Фаэты расконсервировали базы на дальних планетах и спутниках. Пояс астероидов превратился в могучий оборонительный рубеж. Денис Салтыков занимался увязкой взаимодействия наземных и космических сил, завершающей точкой в которой должна была стать неудавшаяся экспедиция на Луну.

Чёрная планета видимой агрессивности не проявляла. Бывшие ящеры, теперешние мегажуки, беспорядочно ползали по поверхности; численность их росла день ото дня.

Обновлённая, преобразованная цивилизация Земли сжимала пальцы в кулак. Казалось, ничто и никто не сможет разрушить единую мощь фаэтов и землян, поддерживаемую драконами и дельфинами. Пандемия страха шла на убыль. Вера землян в фаэтов росла, к людям возвращались надежды...

* * *

5895 метров над уровнем моря...

По указанию Комитета Пятнадцати астрономическую обсерваторию переоборудовали в центр синтеза информации о ближнем и дальнем космосе. В Земной центр предупреждения о начале Вторжения...

С высоты кратер вулкана Килиманджаро выглядит нетронутым человеческой рукой. Но в теле горы – настоящий научный городок, независимый от внешнего мира.

Полдень. Время пересмены дежурных бригад. Уставшие за сутки люди собираются в гостиной. Пообедать, пообщаться, послушать-посмотреть новости с «Большой Земли»...

– Через месяц-другой мы успешно мумифицируемся, – недовольно сказал высокий бородатый человек в мятом синем халате, двигая к себе поднос с традиционным набором блюд.

– Нас кормят более-менее. На Большой Земле голод. А фаэты, я слышал, совсем не едят, – не согласился с ним со-

сед, среднего роста, с крупным чистым лицом.

Он с удовольствием отрезал кусочек от синтетического бифштекса. Натуральные продукты стали редкостью даже в немногих местах их производства. Пищу для административных структур, учреждённых планетарным правительством, поставляла Шамбала.

– Ну и рыбный суп! Из протухшей селёдки, что ли? Но если бы не этот центр, чем бы я занимался?

– Я знаю, чем бы ты занимался. Устроился бы оратором в «Церковь Последнего Суда» и призывал бы прихожан разводить курочек. А по ночам воровал бы яйца...

Начавшуюся перепалку прервал выпуск последних новостей, транслируемый правительственной телерадиокомпанией. Подвешенные к потолку телевизоры привлекли общее внимание.

– Магия захватывает в свои липкие объятия всё новые жертвы, – рассказывала белокурая девица в ярком макияже, – В поисках пути Спасения люди вступают в оккультные братства и союзы. Гадалки, предсказатели будущего, каббалисты британской «Процессуальной церкви последнего суда»...

Лицо девицы сменила картинка: рядом с трёхметровым деревянным крестом, обвитым шевелящейся змеей с разинутой пастью, стоял благообразный бодрый белобородый старик и смотрел перед собой мудрыми всепонимающими глазами.

– Вы видите Учителя Лесли, – вещал закадровый девичий голосок. – Учитель утверждает: на последнем телепатическом сеансе-контакте с эманацией Энсофа он узнал, – спасутся от неминуемой кары те, кто успеет...

Экзотический крест подействовал не на сознание, а на желудок.

– Где они достали такую громадную змеюку? Это ж сколько мяса!

– Выращивают. Этому бородачу хватает на супчик из змей. Вкуснее, чем искусственные подошвы с фальшивыми калориями да витаминчиками...

Обсуждение достоинств змеиноного супчика на добрые десятков минут отвлекло обедающих от экрана. Послеобеденные гаванские сигары, самые настоящие, не синтетические, снизили накал критичности к жизни и правительству. Но очередная новость развеяла благодушное настроение. Белокурая дикторша, не скрывая волнения, говорила о непонятном, безосновательном, крайне странном самоубийстве фатянки по имени Алима.

– Факт суицида несомненен. Красавица Алима оставила записку, в которой четыре коротких предложения: «Я ошиблась. Каждая из нас должна признаться сама. Или уйти. Простите, люди...» Факт тревожный, знаковый. Бессмертная покончила счёты с жизнью по собственной воле! Поступила как обычная земная женщина, попавшая в переплёт...

Наблюдатели и исследователи «Космоса» открыли рты.

– Вот это да-а! Что ж это делается? Только и надежды было, что на фаэтов.

– Нам ли волноваться? Здесь мы в безопасности. Пересидим, переждём.

– Смотрите, смотрите! – крикнул кто-то, – Жукам уже имя присвоили!

Очередная тема новостей привлекла всех, притянув к экранам за уши и глаза.

– ...Бестфайры при минус двухста семидесяти трёх по Цельсию чувствуют себя комфортно. Мы показывали вам, как они расползаются по Чёрной планете. Сегодня увидите: они начали совершать прыжки. Точнее, – короткие полёты. Видите? Напоминает разминку перед соревнованиями...

– Чёрт побери! С кем им соревноваться? Со мной? Да я при минус пятнадцати насмерть замерзаю, – воскликнул высокоый бородач.

– ...разведывательные зонды непрерывно контролируют гостью из Системы Сириуса. Снимки получены только что, мы ведём прямую трансляцию. С учётом естественной задержки в пятнадцать часов, необходимых электромагнитному импульсу для преодоления расстояния от Чёрной до Земли.

Блондинка снова ушла в закадровое пространство. Экран заполнило маслянисто отсвечивающее, серое, без единой волосинки тело бестфайра.

– Смотрите! У него нет головы!

– Помолчи, Сэмми, дай послушать.

– ...Их цвет... На первый взгляд подходит определение «сухой асфальт». Но он отталкивает взгляд, вызывает приступы тошноты. В спектре видимого света природа нашла сочетание, чуждое человеку. И правда, – отвратительный цвет. Резкие перемены траектории во время прыжков говорят об исключительной реакции чудовищ. Норы они делают без всяких приспособлений. Посмотрите запись...

Бестфайр, неподвижно застывший на чёрной почве, поднялся вертикально в безвоздушное пространство. На высоте десятка метров замер. Оттуда в вертикальном падении ввинтился в кору планеты. И пропал в ней, как исчезает раскалённый гвоздь в топлёном масле.

Служащие «Космоса» затаили дыхание. Никто из землян в самом кошмарном сне не мог представить себе живое существо подобного вида и обладающее такими возможностями.

– ...вид сверху. Если не учитывать переднюю и заднюю части, обводы тела по точному эллипсу. Сзади у него телескопический хвост, удваивающий длину. По-видимому, хвост – и антенна, и оружие. Посмотрите вид снизу...

Графическая программа студийного компьютера перевернула туловище на спину. Живот монстра отличался тем, что из него торчали три пары ног-лап. Каждая лапа снабжена тремя сверкающими когтями-лезвиями.

– ...Когти режут алмаз. Лапы изгибаются по-змеиному.

И вытягиваются, поднимая тело на высоту до трёх метров. Внутренние органы, о которых мы не имеем никаких данных, защищены биокремниевой бронёй. В длину бестфайр достигает десяти метров, ширина около трёх.

– Живой танк!

– Только ему не требуется ни бензина, ни масла. Пора обзаводиться гранатомётами!

– ...Головы как таковой нет...

– Видишь? Что я говорил? Сверло-боеголовка вместо мозгов.

– ...Она слита с туловищем и являет собой треугольный клин с тремя глазами. Имеется пасть, но в закрытом виде её не видно...

Серый треугольник приблизился, заполнив экран. Некоторые в гостиной испытали позывы рвоты. Созданный красным гигантом По-толо серый цвет действовал и опосредованный телевидением.

– А разведка фаэтов убеждала, что у них змееподобная голова на короткой шее.

– Нашёл, кому верить! Фаэты! Они ведь тоже с Сириуса, родня бестфайрам.

– ...Ушные мембраны закрываются бронешторами. В пасти – ядовитые резцы. Из того же материала, что когти. Ядом служит жидкость, заменяющая им кровь. Похоже на жидкость в теле паука. Состав неизвестен. Предположительно, кровь бестфайра смертельна для всех белковых форм жиз-

ни...

– Не горюй, парни! Мы ещё приспособимся перегонять их кровь на виски или водку. Для особо крутых пропойц то ещё будет пойло!

– Сегодня какой день? Пятница? Завтра каждому по сто пятьдесят грамм за счёт правительственного бюджета. Надо бы поднять вопрос – не один, а два раза в неделю.

Напоминание о регулярно выдаваемой дозе спиртного вызвало громкое оживление. И заключительное сообщение выпуска новостей прошло в гостиной «Космоса» незамеченным. Не заметили или не придали ему значения большинство землян в домах, где ещё имелось электричество, горели телеэкраны и работали радиоприёмники.

– ...Контейнеры, сотнями и тысячами сбрасываемые в океан, не раскрываются. Они просто тонут. Дельфины приступили к сбору и складированию. Похоже, эпоха золотых дождей закончена. Аквалоты уходят в прошлое, – озабоченное лицо ведущей приняло грустное выражение, – Ничто не вечно на брэнной Земле...

Специалисты по электронике и Солнечной системе, нашедшие приют в «Космосе», решали, чем заняться после обеда. Сон, карты, шахматы... Выбор был невелик.

Высокий с бородой, разжигая потухшую сигару, сказал задумчиво:

– Было время, на вершине нашей горы авантюристы искали шкуру леопарда Хемингуэя. Кто теперь помнит об этом?

Мне кажется, о нас забудут ещё скорее.

– Всё равно бежать некуда, – отозвался человек с утончённо интеллигентным лицом, протирая платком стёкла очков, – В Кении «Дикие копы» воюют с местной чернозадой мафией. Настоящий фронт...

– А Танзания?

– Ещё хуже. Если чудом удастся перейти реку Руву, степь Масаи уморит жаждой и голодом.

– А львов там развелось! – добавил сосед интеллигента, лысый брюнет с усами а-ля-Мюнхгаузен, – И все людоеды!

Высокий подытожил:

– Выхода, по всему, нет. Придётся работать. Пока наши услуги требуются Комитету Пятнадцати.

Будто ожидая этих мудрых слов, экраны телевизоров замигали яркой краснотой и жёсткий мужской голос объявил:

– Внимание! Общая тревога! Тревога! Отдыхающим бригадам вернуться на рабочие места! Всем тревога...

* * *

Резервные мощности центра «Космос» подключили к системе слежения за Луной. Запись велась на всех рабочих частотах, оптика выдавала информацию на все мониторы.

– ... Там работает экспедиция по выбору места для военной базы. Во главе с Салтыковым. Я держал с ними постоянную радиосвязь. Они понесли в эфир такую белиберду! Я уж

подумал, не пьяны ли... Но вы ведь знаете Салтыкова?

Начальнику центра Артуру Рейли докладывал шеф лунного сектора Измайлов. Рейли, не отрывая пристального взгляда от экрана слежения, включил канал срочной связи с Департаментом Обороны. Изображение лунного диска дрожало уже почти полминуты.

– Приборы в исправности, – продолжал доклад Измайлов, – Оптическая иллюзия невысказана. Вывод еретический: лунотрясение, захватившее весь спутник.

Через десять секунд дрожание спутника Земли прекратилось. И в тот же момент Луна исчезла из поля зрения. На её месте безмятежно светили звёзды. Атур Рейли потребовал информацию по всему диапазону частот слежения. Все приборы постулировали одно: мгновенное исчезновение естественного спутника. Лоб начальника центра покрылся холодной испариной. К тому же не удавалось соединиться с Департаментом Обороны. Только Рейли решил воспользоваться линией экстренного вызова Комитета Пятнадцати, как Луна вернулась на прежнее место, привычно неподвижная и надёжная.

Из динамиков донеслась хрипая команда:

– Эвакуация! Лунная миссия окончена!

Рейли узнал голос Салтыкова.

А в опустевшей гостиной «Космоса» телевизоры транслировали интервью знаменитого учёного, лауреата Нобелевской премии Виндзора.

– ...Десяток лет назад моё сообщение показалось бы бредом сумасшедшего и шокировало публику. Но последние события радикально изменили наши оценки и парадигмы восприятия действительности...

Маленький Виндзор сидел за круглым столом напротив столь же знаменитого и столь же толстенького журналиста Лео Парра. Журналист слушал учёного с дипломатической долей иронии, показывая, что он уважает авторитет собеседника, но наряду с этим трезво воспринимает сенсационные выводы Виндзора. Сопровождая анонс передачи азиатской улыбкой, Лео Парра мягко охарактеризовал особенности текущих дней и напомнил, что учёный вернулся из стрессовой командировки на окраину Системы.

Виндзор воспринял завуалированное сомнение как должное и демонстрировал полное присутствие духа.

– ...речь идёт о працивилизации, населявшей не только Землю, но всю Солнечную систему многие миллионы лет назад. В основе такого вывода – конкретные факты. Начинал я с анализа древних текстов. Среди них абсолютно незнакомые как широкой аудитории, так и моим коллегам. Об этих

документах скажу ниже. Второе, – находки загадочных артефактов в земных геологических пластах. Третье, – загадки Луны. Четвёртое, – открытия, ставшие доступными в последний год. Даже месяцы и дни...

Он кивком поблагодарил Лео Парра за предложенный стакан воды, отпил глоток, коснулся губ цветным платочком.

– Особняком стоит преобразование Сферы Оорта в остатки громадного межзвёздного корабля. По-видимому, мы имеем дело с обломками галактолёта а, разрушенного внешним воздействием. Отмеченное воздействие продолжалось и после распада галактолёта а. Нет сомнений, это – следы войны в космосе. Я утверждаю: иногалактический мегакорабль разбит неизвестными жителями Солнечной системы, нашими предшественниками...

Лео Парра, не снимая с лица засахаренной восточной иронии, извинился перед Виндзором и пояснил:

– Конечно же, без тесного контакта с фаэтами нашему гостю понадобилось бы больше времени... Желающие познакомиться с деталями сенсационного сообщения могут обратиться в личный сайт учёного. Адрес мы выводим на экран...

Виндзор кивнул в знак признательности и продолжил:

– Появление в нашей жизни фаэтов принесло также знание о некоей установке на кольце Сатурна, сыгравшей роковую роль в судьбе Фаэтона. В данное время ведётся активное изучение Икс-Излучателя экспедицией Шамбалы. Вы пра-

вильно догадались: опять речь о существах, населявших Систему до прибытия к Солнцу первых визитёров из Системы Сириуса. Наконец, совсем недавно мне стало известно о присутствии на Земле странных объектов, названных лианоподобиями. Я принёс в студию снимки. Надеюсь, оператор покажет вам...

Виндзор взял в руки большую фотографию, камера выдала крупный план. Ало-красное пульсирующее сплетение труб, похожих на лианы. Похожих прежде всего ощущением жизни, наполняющей сгусток, кругом которого не росло ничего, даже трава. А само лианоподобие пряталось в гуще джунглей...

– ...Вы видите образование, представляющее собой находящийся в стабильном состоянии, управляемый концентратор энергии. Чистой энергии! Только великое объединение фундаментальных взаимодействий может позволить выйти на подобную конструкцию! Видимо, внутренняя структура объекта основана на внутрикварковых процессах.

Глоток воды, возвращённая невозмутимость... Виндзор понимал сверхреволюционную значимость своей информации.

– Я предпочитаю называть працивилизацию Лунной. Именно Лунной, а не Солнечной. Так вот, Лунная цивилизация достигла такого уровня, что могла вести успешные межгалактические войны. И, по моему глубочайшему убеждению, она не исчезла в глуби миллионов летий.

– Если она не исчезла, почему нет с ней контакта? – спросил Лео Парра, – Или они прячутся, как скрывались фаэты в своей Цитадели?

– Думаю, им нет необходимости прятаться. И нет нужды в контакте... У них иная физика, другая космология... И энергия жизни тоже. Самодостаточность перед лицом Вечности – великой сложности понятие.

– Иначе говоря, уважаемый господин Виндзор, люди Земли тут не имеют перспектив?

– Хотите однозначного ответа? Мир един, как един его Творец. И все, даже бесконечно удалённые части и стороны, взаимосвязаны. И не только опосредованно. Пространство и время – не единственные формы бытия. Другое дело, что выбор приоритетных связей – не в наших руках. Они имеют способы влияния на нас, мы их не видим.

– Они, – это працивилизация? – сощурился в вопросе Лео Парра.

– Вы верно поняли. Наша родная Земля некогда входила в состав Лунной цивилизации, имевшей выход не только в Млечный Путь. Имеющей выход... И, на мой взгляд, у них не было оснований исключать третью планету из того списка...

Журналист удовлетворённо улыбнулся.

– К сожалению, время передачи подходит к концу. Вы могли бы в нескольких словах показать возможности наших предшественников? И, как оказывается, не только предшественников, но и современников?

– Что ж... В нескольких словах – кое-что. Они имели практические сведения о вакууме. И могли с ним работать. На одной из внешних планет, скорее всего на Трансплутоне, находилось устройство выборочной локальной активизации физического вакуума. Они программировали свойства пустоты. Что и позволило им отразить удар, нанесённый из иной галактики. Они могли уплотнять пространство-время, ускорять и замедлять объективное время... Это они установили известную ритмику Солнца, обеспечив устойчивость земной биосферы. Ведь естественное возрождение жизни на Марсе превратит Землю в подобие Венеры...

Лео Парра поблагодарил учёного за участие в передаче и передал слово редакции новостей, предлагающей свежие известия о лунной экспедиции под руководством планетарного Главкома Дениса Салтыкова...

Глава шестая. Луч Сатурна

САТУРН. КОЛЬЦО F.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ИКС-ИЗЛУЧАТЕЛЬ»

Параллелепипед лаборатории, как и Юнивер Группы, не менял местоположения более двух недель земного времени, ибо не было в том никакого смысла. Намеченный сектор кольца F осмотрели, обследовали, сфотографировали и зондировали во всех возможных ракурсах и деталях.

Снова и снова Амин сопоставлял рисунки и снимки загадочного объекта под условным наименованием Икс-Излучатель, виденного фаэтами последний раз десять миллионов лет назад, с реальным сегодняшним рельефом кольца. Безуспешность нескончаемой серии попыток, полное интеллектуальное бессилие, – такого фаэты ещё не испытывали. Как и проистекающих отсюда усталости вкупе с раздражительностью.

«Либо мы найдём исчезнувшую тайну, либо я останусь у Сатурна навсегда!» – говорил себе Амин. Говорил в тысячный раз, сомневаясь в том и другом. Неудача в деле ассоциировалась им с личностной неполноценностью.

Уйка с Атисом упрямо продолжали третировать микроволновый диапазон, неоднократно уже «вывернутый» лабораторным комплексом «наизнанку». В расчётах всё схо-

дилось до долей миллиметра и наносекунд. Сопоставлены мельчайшие подробности на текучем лике Сатурна, его колец и спутников с учётом изменений, происшедших за истёкшие миллионлетия.

Земляне, с земной же горечью подумал руководитель группы, списали бы неудачу на действие мистических сил. Так они делают всегда в минуты затруднений, а особенно – в эпохи потрясений и переворотов. Так делают и теперь, под угрозой опустошительного нападения бестфайров. Сам Амин полагал, что мощи фаэтов достаточно, чтобы не пропустить их ближе орбиты Плутона. Будет непросто, придётся повоевать. Эрланг прав – Землю нельзя отдать, а те пришли за Землёй...

Он отложил рисунки, сделанные собратом, имя которого затерялось во времени. Почему тот видел Излучатель, а Амин не может отыскать? Инозвездники, снявшие признаки своего пребывания? Крайне маловероятно. Не заметить такое соседство фаэты не смогли бы. Дежурная автоматика наблюдает Систему почти шестьдесят миллионов лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.